

16+

ТАТЬЯНА АБАЛОВА
ЗДЕСЬ ДРАКОНЫ
НЕ ПРОЛЁТАЛИ?

Татьяна Абалова

Здесь драконы не пролетали?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67878333

SelfPub; 2023

Аннотация

В жизни Леры Востриковой происходят странные события: ее, сироту, пригласили в элитную школу, но через три года выпихнули замуж, не дав доучиться; сказала «да» умопомрачительному жениху и приняла от него кольцо, но вмешались похитители и все испортили. Ладно бы выкрали ее, сокровище, каким она чувствовала себя рядом с Федором, так нет, умыкнули жениха. Слишком много «но»? Лера по прозвищу Шило добавит еще одно. Умрет, но вернет похищенное счастье.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Не самая лучшая ученица	8
Глава 2. Знакомство с аборигенами	17
Глава 3. Ненашенская	29
Глава 4. Пустынник попаданке не товарищ	40
Глава 5. Встречи и расставания	54
Глава 6. В гостях у эльфа	65
Глава 7. Муфы, миффи, псы и шлюхи	79
Глава 8. Сплетницы и сплетники	92
Глава 9. Планы меняются	102
Глава 10. Нормальные герои всегда идут в обход	114
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Татьяна Абалова

Здесь драконы не пролетали?

Пролог

– Полиция! Вызовите кто–нибудь полицию! О, боже! – я бежала, натываясь на столики, и кричала, не понимая, что, кроме меня, никто не видит, как моего жениха запихивают в машину. Те немногие посетители, что зашли в кафе во неурочное время, сидели в центре зала, а потому застали лишь финал похищения – удаляющуюся машину.

Я в бессилии сползла на ступеньку каменного крыльца. За спиной гудели голоса персонала, выскочившего из кухни, кто–то с надрывом называл адрес кафе.

– Вы хотя бы номер запомнили? – официант сочувственно протянул салфетку. Я помотала головой. – Знаете, здесь до развилки довольно далеко. Если поторопиться, то можно хотя бы посмотреть, в какую сторону его увезли. А если догоните, то и номер записать. У вас же есть машина?

Я опять помотала головой. Машины у меня не было.

– Но на вашем столике лежат ключи.

Я метнулась назад и оторопело посмотрела на оставлен-

ный Федором брелок. Он сиротливо приткнулся к пустой коробочке из ювелирного.

– Да! У меня есть машина, и я отлично вожу! – я схватила свою сумку, наконец–то понимая, что нужно делать.

Внедорожник Федора черным монстром возвышался над остальными автомобилями. Такой виден издалека. До него я не бежала, летела. Нажала на брелок заранее, чтобы не тратить время, а потому, когда села, тут же рванула с места. Пристегивалась на ходу под противный писк предупреждения.

Официант оказался прав. Когда я выскочила на перекресток, седан похитителей оказался как на ладони. Он удалялся в сторону лесного массива, и при желании я могла его догнать.

– Повезло, что не в город. Там бы я фиг тебя нашла, – в минуты волнения я всегда разговаривала сама с собой или вот как сегодня – с автомобилем угонщиков. Белый, он хорошо был виден на поворотах, даже если деревья закрывали обзор. Низкая посадка гарантировала, что машина не свернет в глушь, в бездорожье, не затеряется на какой–нибудь колее, которую я впопыхах могу проскочить.

– Ну, еще чуть–чуть! – повторяя зигзаг, о котором предупредил дорожный знак, я молилась, чтобы дальше дорога катила по прямой. Тогда точно догоню.

Что буду делать, когда разгляжу номер, не думала – телефон унес Федор, а свой как всегда забыла зарядить. Да и не

пользовалась им особо. Мы с Федей почти не разлучались, а больше звонить было некому. Так сложилось, что я сирота, и за три года обучения в закрытой школе утратила связь с прошлым.

Когда вышла из поворота и увидела совершенно пустую дорогу, растерялась. Проехав по инерции метров триста, развернулась. Почти легла на руль, вглядываясь в лесную полосу. Где-то же они свернули? Зря я радовалась, что у седана низкая посадка.

Догадалась о просеке по сломанной ветке, что перекрыла путь. Пришлось вылезти и оттащить ее в сторону, а заодно убедиться, что седан оставил следы. Каблуки вязли в жирной после дождя земле. Садясь в машину, сняла туфли и зашвырнула их на соседнее сиденье, к сумке. Плевать, что испачкают обивку. Босиком я лучше чувствую машину.

Тоннель в толще скалы открылся внезапно. Не раздумывая, откуда могла взяться гора, путь и невысокая, и к чему в лесной чаще тоннель, к которому не ведут дороги, нырнула в него. В конце маячило световое пятно, и я нажала на газ.

Что я помню: меня ослепило какое-то слишком уж яркое солнце, но я успела заметить внезапно выросшую перед носом зелень. Я резко ударила по тормозам и оказалась в свободном полете. И это при том, что у машины присутствовали лобовое стекло и приличная система безопасности. Ни того, ни другого я не почувствовала. Меня просто сдернуло с сиденья и кинуло вперед.

Завершив полет скольжением по траве на пузе, я поднялась на колени, ошалело ощупала себя и лишь потом обернулась.

За спиной не было никакого тоннеля. Машина застряла в толще скалы, как доисторическая муха в смоле. Фары дальнего света еще горели, и картина казалась фантасмагорической.

Шум ломаемых ветвей заставил крутануться на месте и упасть на четвереньки. Подол любимого платья мешал двигаться, но ползти, а тем более бежать, не пришлось. Я оторопело села на зад: в десятке метров от меня в небо тяжело взлетали два огромных ящера, и в лапах одного из них болталось тело моего Федора.

Я вовремя закрыла ладонями лицо: от сильного ветра, поднятого мощными крыльями, в воздух взметнулся мелкий сор и больно ранил кожу.

Так я оказалась в мире, который сразу отсекал все пути назад.

Глава 1. Не самая лучшая ученица

Как описать состояние, что охватило меня? Оцепенение? Ну есть такое. Ящеры уже скрылись с глаз, а я продолжала сидеть на пятой точке и пялиться в небо. Страх помноженный на неверие, что происходящее реально? Но подбородок, обожженный скольжением по траве, покрылся сукровицей и ныл, так что не было нужды щипать себя. А может, я выпила больше одного бокала шампанского и теперь сплю лицом в салате? Это вообще из области фантастики, но все же. Кстати, отличное объяснение, почему саднит кожу – салат хорошо сдобрили лимонным соком. А может...

– Не может, Вострикова. Поднимай свой зад и иди. Потом будешь перебирать чувства как четки и жалеть себя несчастную. А сейчас действуй, – старая привычка поговорить с собой всегда помогала. Хотя бы что-то остается неизменным.

Я поднялась, путаясь в подоле длинного, чуть ли не до щиколоток, платья, надетого вовсе не для гонок по шоссе. Осмотрела себя, но ничего, кроме содранной кожи на ладонях, которыми тормозила, и мелких ранок на непокрытых одеждой участках, не обнаружила. Уже хорошо.

Босые ноги, потерявшаяся заколка, из-за которой невозможно собрать путающиеся на ветру волосы – это запишем в минусы.

В плюсах: на мне осталось платье и оно, не считая пятен

грязи, целое. Нижнее белье тоже в порядке, хотя я бы не бичевала себя, если бы описалась от страха.

И это все. Ни документов, ни телефона, ни бутылки с водой.

– Глупая, кому бы ты показывала свой паспорт? Этим ящерам и их собратьям?

Возможное существование братьев летучих монстров настолько сильно взбодрило, что я воровато огляделась и спиной попятилась к машине, все еще светящей фарами. Хоть что-то свое, родное. Забиться бы в какую щель и сидеть до прихода помощи, но где гарантия, что она придет?

Да, есть надежда, что в кафе примчится полиция и отправится по горячим следам за похитителями и мной. Но что они найдут? Сломанную ветвь, что я оттащила в сторону, и гору с тоннелем? Но потому, как увяз в тверди скалы нехилый такой внедорожник, кто поручится, что тоннель еще существует, а не захлопнулся как самый заправский портал?

– Портал! Вот как я сюда попала!

Вспомнился менторский тон преподавателя по мифологии. Уж что-что, а сказки можно было рассказывать не таким скучным голосом. Немного цвета и оттенков не помешало бы, а не вот это вот: «В мифах островитян драконы проникают в сообщество аборигенов через порталы. Портал – это не дословный перевод. «Драмаг» можно интерпретировать как светящаяся щель или лоно прародительницы».

– Лона прародительницы, – я погладила фару внедорож-

ника. Он казался дитем, застрявшим в родовых путях. Но не в моих силах было выковырять его оттуда. Я жалела о снятых туфлях и сумочке, оставшихся на соседнем сиденье, о пледе, которым укрывалась, когда после очередной вылазки в город, умаявшись, засыпала под добротный рокот двигателя. – Прости меня.

Последнее прикосновение к тому, что совсем недавно было сильным механическим зверем. Едва удержалась от всхлипа, когда фары, мигнув, погасли.

Выдохнув, повернулась спиной к внедорожнику и пошла вперед. Постаралась идти бодрым шагом, напоминая себе, что похитители въехали в этот же тоннель, но они успели проскочить его до захлопывания, а значит... А значит, их автомобиль где-то здесь.

– Вострикова, возьми себя в руки, иначе тебе не выжить, – это я произнесла сразу после того, как представила седан с разорванной крышей, из-под которой кровожадные ящеры извлекли моего жениха, вполне себе насытившись двумя похитителями. А если они не стали их жрать, тогда их трупы все еще в машине. До меня же не доносятся ни ругательства, ни стоны?

На всякий случай я остановилась и прислушалась. Беззаботный щебет птиц успокоил.

– Я слышу, я вижу, я чувствую.

Я стояла у обрыва. Кроны деревьев шумели у меня под ногами, и насколько хватало глаз всюду простирался лес.

– Мне не выжить, – только что произнесенная мантра «я слышу–вижу» была забыта. – Хотя...

Глаз зацепился за что–то белое. Уже точно зная, что это машина, ласточкой сорвавшаяся с вниз и застрявшая на дереве, я вновь вернула веру в себя.

Побежав вдоль обрыва, нашла дерево, чья ветвь вполне могла выдержать мой вес. Связала края платья на поясе и заколола волосы прутиком на манер шпильки.

– Теперь главное, – произнесла я и, сняв с руки браслет и помолвочное кольцо – подарки Федора, сунула их в самое надежное место, что было при мне. Лифчик – верный помощник женщины, с какой стороны ни смотри. Мне предстоял сложный спуск, и я не хотела потерять то, что было дорого.

– Федя, я иду к тебе, – прошептала я и тут же поправилась, не желая даже думать, что любимый смотрит на меня с небес: – Федя, я иду за тобой.

Только сейчас, цепляясь за ствол, выбирая место, куда поставить ногу, я испытала огромную благодарность к преподавателю физкультуры: если бы не его жесткие методы тренировки, заставившие нас через слезы и синяки быть гибкими и ловкими, а наши мышцы налиться силой, я уже с десятков раз сорвалась бы, не сумев ни подтянуться, ни с грацией шимпанзе перекинуть свое тело на соседнюю ветвь.

– Сим Симыч, спасибо, – я кряхтела, преодолевая последние метры, мысленно высчитывая, когда уже можно будет прыгнуть. – Дуры мы были, когда злились на вас и устраи-

вали истерики.

Под деревом, где на честном слове висел седан, густо пахло бензином. Одна из ветвей пробила бензобак, и у корней натекла приличная лужа. Лезть наверх было боязно, но машина – единственное место, где могло остаться что-то полезное для меня. Открытые двери свидетельствовали, что похитители покинули машину, но следов их пребывания на земле я не обнаружила. Ни крови, ни трупов под кустом.

Поплевав на ладони, которые уже не саднило от ран (к боли, при идее выжить любыми путями, привыкаешь), я уцепилась за нижнюю ветвь и подтянулась на дрожащих от усталости руках.

– Я – Чудо–женщина.

Встав так, чтобы не сорваться вслед за машиной, если она вдруг надумает полететь вниз, как следует качнула ее, потом потянула за ближайшую дверцу и проверила на устойчивость в таком положении и, только убедившись, что седан не станет могилой, забралась в него.

Оказавшись на заднем сиденье, исследовала все, что было внутри. С удовлетворением отметила, что машину удерживает толстый сук, который, сломавшись, проткнул ее насквозь, как остро отточенный карандаш кусок пластилина.

Мои изыскания стали смелее. Добыв на заднем сиденье ветровку, которая убережет меня от непогоды (а пока палило такое солнце, что я вытерла ею вспотевшее лицо), осторожно, держась руками за лишившуюся коры ветвь, перебралась

на пассажирское сиденье. Моя цель – бардачок, подарил мне несколько приятных минут: расческа, пусть и мужская, дезодорант, опять–таки не женский, блокнот и ручка, заряженный, но бесполезный телефон, который можно использовать как фонарик, неполная фляжка с чем–то спиртным (ага, обработаю раны), пустая бутылка из–под воды, помятая пачка печений и... фотография Федора. Ничего себе! Он сам подарил ее мне, оставив на обратной стороне послание: «Помни, я всегда буду любить тебя». За нами, выходит, следили!

Только закончив с разбором в бардачке, обратила внимание, что на полу валялись какие–то вещи. Когда я вытянула штаны, звякнувшие пряжкой ремня, поняла, что это одежда похитителей. Здесь даже валялись их трусы и туфли.

– Они ушли нагишом? Или ящеры съели их, выплюнув одежду, как шелуху от семечек? – но одежда была без биологических остатков как жертв, так и их едоков, что наводило на мысль, что люди разделись специально.

– Нет–нет–нет! Это все сказки! – ошеломленная дикой мыслью, прошептала я. – Они не могут быть оборотнями!

Подышав, как учил мастер йоги, и успокоив себя в позе мертвеца, для чего пришлось откинуть сиденье (действовала в панической атаке, а потому совсем не думала, что любое активное движение может сорвать машину вниз), направила размышления в нужное русло.

– Вострикова, тебе нужно выжить, с мифами о драконах и порталах разберешься позже.

Навряд ли что-то с мужского плеча оказалось бы мне в пору, но с упорством нищенки я собрала все вещи в тугой узел и скинула вниз. Мне еще спускаться и нужно, чтобы руки были свободными.

Увидев свое суровое отражение в боковом зеркале, я выломала его энергичными движениями, что вновь вернуло к опасениям, что машина сделается последним пристанищем, а потому поторопилась покинуть ее.

Спуск прошел под угрожающий скрип дерева, не без моей помощи вознамерившегося скинуть автомобиль. Только оказавшись на безопасном расстоянии, я, наконец, выдохнула. Машина значительно накренилась, но продолжала удерживаться на суку. Быстро подобрав узел и зеркало, оттащила свое богатство под соседнее дерево и принялась придиричиво рассматривать добычу.

– Рубашки оставим, свитер тоже, штаны... одни точно велики – в сторону, другие пригодятся, стяну на талии ремнем, а вот башмаки...

С башмаками, вернее с парой длинноносых туфель и кроссовками, была беда. Туфли закинула в кусты как ненужные сразу. Над кроссовками подумала и оставила себе. У меня тридцать девятый (да, да, я немаленького роста, а потому должна твердо держаться на ногах), а у этих не новых, но не сильно поношенных кроссов, добрый сорок пятый. Если разорвать одну из рубашек и намотать ее на ноги будто портянки (знать бы еще, как это делается), то вполне сойдут. Во

всяком случае, не босиком.

Сказано, сделано. Походив туда–сюда и не ощутив особого дискомфорта, порадовалась найденному решению. Штаны, свитер, оставшуюся в живых рубашку и прочую мелочь, найденную в машине, сунула в ветровку, застегнула ее на молнию и стянула все имеющиеся шнуры. Осталось только связать рукава, чтобы получилась вполне себе приличная сумка.

Остатки рубашки, изорванной на тряпки, тоже пошли в дело. Ими я обработала раны тем самым спиртным, что бултыхалось во фляге, и, сделав пару глотков, чтобы взбодриться (желудок ответил болью, ведь салат я так и не попробовала), посчитала себя готовой продолжить путь.

Уже уходя, вспомнила о луже с бензином.

– Ничего не должно пропасть просто так, – спиртное уже повсю действовало, иначе я не решилась бы присесть у того места, куда вот–вот рухнет машина. Чтобы не пропадать добру, вылила остатки спиртного в себя, а фляжку заполнила иной горючей жидкостью. Шикнула, когда раны на пальцах ответили болью.

Завинтив крышку и уложив флягу в карман ветровки, повертела головой, чтобы понять, где нахожусь. Оставив за спиной холм с похороненным в нем внедорожником, я направилась по невидимому следу драконов, то есть прямо.

Уже отойдя на приличное расстояние, я услышала треск, напоминающий выстрел, а потом грохот: седан все–таки со-

рвался. Через некоторое время полыхнуло, и в небо потянулся черный дым. Пришлось прибавить шагу и беспрестанно оглядываться. Мне бы не хотелось сгореть неизвестно где. И больше всего беспокоило, что никто, кроме меня, не знает, что драконы похитили Федю. Я – единственная его надежда на спасение.

Слезы все-таки пробились. Наверное, им помогло то спиртное, что я пожалела вылить на землю.

Выбравшись кое-как из леса и едва не задохнувшись от едкого дыма, который полз по пятам, я оказалась у реки. Порадовавшись, что огонь, если уж и доберется сюда, меня не поджарит, перешла ее, неглубокую, но широкую, вброд. Вдоволь напившись (плевать на корову или кого еще там, кто тыкался мордой вверх по течению) и набрав воду в пустую бутылку, упала от усталости здесь же, на берегу, из последних сил подтянув под голову свою импровизированную сумку.

Глава 2. Знакомство с аборигенами

– Дай руку.

Федя завязал мне глаза галстуком, прежде чем ввести в дом, который купил для нас. Уютное гнездышко для семьи, о которой я, будучи сиротой, всегда мечтала.

Я осторожно выбралась из машины. Скрипнули решетчатые ворота – их успела разглядеть, в отличие от дома, скрывающегося за кустами выющихся роз.

Федя вел меня осторожно, предупреждал о каждой ступени. Их я насчитала двадцать – многовато для небольшого домика. Возня ключей в замке, щелчок включаемого света и медленное скольжение шелка галстука по лицу.

Сначала я увидела люстру. Вовсе не из современных, с причудливо изогнутыми рожками – позолоченную, хрустальную. В каждом кристаллике преломляются лучи и дарят мягкий свет. Просторный холл, оформленный под старый стиль, где колонны перемежаются с античными статуями. Мраморный пол, уложенный мозаично и лестница – широкая, деревянная, ведущая на второй этаж.

Я совсем иначе представляла наш общий дом, поэтому изобразила радость.

Что в красоте смыслею я, простая девчонка?

***

Когда-то волею случая я оказалась в престижной школе,

где на двадцать учителей и прислуги было всего три ученицы. Всего три. И мы не понимали, почему такая честь оказана именно нам.

— Для чего мы здесь? Кто и почему нас отобрал? — ни одна из нас не обладала сколько-нибудь выдающимися результатами, чтобы получить лучших учителей и комфортное существование. Единственное, что нас всех объединяло — мы были сиротами.

Учителя на вопросы отвечали уклончиво, директриса, появившаяся лишь через неделю после нашего переезда в старинный особняк, вообще отрезала, сказав, что нам, шпане, впору радоваться, а не забивать голову глупостями. Кто-то решил так за нас, и придет время, когда мы все узнаем. В случае неповиновения или нежелания учиться нас просто вышвырнут и заменят другими счастливчиками.

Нам обещали долгих пять лет, но из школы каждой из нас пришлось уйти раньше, хотя правил мы не нарушали.

Первой, где-то через два с половиной года, исчезла Елена Корз — худошавая брюнетка с вредным характером. Ученица не вышла к завтраку, а беглый осмотр комнаты показал, что она даже не ложилась спать. Все ее вещи оказались на месте, что тут же вызвало волну разговоров и пересудов. Я ожидала, что в доме появится полиция, но директриса всех успокоила: нашлись родственники, которые только-только узнали о постигшем Лену несчастье и забрали ее.

Ага. Как раз накануне восемнадцатилетия, когда наслед-

ница Корз могла оспорить ушедшее в чужие руки наследство.

Мы с Пухом, в отличие от школьной поварихи и приходящего стричь газоны садовника, не удивились. Лена всегда говорила, что она дочь богатых родителей. Это вполне объясняло, почему она не захотела забирать свои вещи. Зачем ей казенная одежда и помада, которую мы с Пухом купили ей на день рождения? Ее ждет новая жизнь, когда всего будет в достатке. Вот только о родственниках она никогда не упоминала.

Елену Корз мы между собой называли Белая кость или просто Косточка. А все из-за того, что, когда мы, будучи пятнадцатилетними подростками, попали в таинственную школу, она держалась от нас в стороне и чуть что напоминала: «Я белая кость по сравнению с вами, нищесбродами».

Мы с Пухом понимали. Белая кость сделалась сиротой в результате несчастного случая с родителями. Партнер отца по бизнесу подсуетился и, оформив опеку, легко согласился, чтобы Ленку забрали в элитную школу, ставшую в итоге для нее тюрьмой. Своенравная, гордая, любящая задирать нос, она откровенно страдала в заточении, тогда как нам – мне и моей лучшей подруге Насте Обуховой, казалось, что мы попали в рай. Не хватало только купать нас в шоколаде, чтобы мы почувствовали себя наверху блаженства. Косточка общалась с нами лишь потому, что больше не было с кем.

***

– Тебе нравится? – голос Федора выдернул из воспоминаний. Он, пытаясь развязать узел на галстук, дернул за волосы раз, второй, третий, что заставило меня зашипеть.

– Ай, больно! – я схватила его за запястье и крепко сжала, чтобы он перестал снимать с меня скальп. В лицо дыхнуло чесноком. И это заставило меня открыть глаза. Чтобы от Феде, всегда пахнущего дорогим парфюмом, разило так поплебейски?

Разочарование скрутило желудок судорогой. Никакого сказочного дома с колоннами.

Над головой лишь звездное небо, и потуги человека, которого я цепко удерживаю за руку, вырваться.

– Кто ты? – прошипела я, извернувшись всем телом, чтобы не оставаться в невыгодной для драки позиции. По толщине запястья уже поняла, что передо мной или совсем уж subtilный мужчина, или девушка.

Незнакомец оказался мальчишкой. Он выразительно шмыгнул носом.

– Тетка, есть что поесть?

– Какая я тебе тетка? – я разжала пальцы, и малец, кривясь в лице, потер запястье. Знаю, знаю, дорогой. У меня крепкая хватка. Сим Симыч говорил, что мне бы на соревнованиях по армрестлингу выступать. Я только кивала и лыбилась в весь рот. Супер–цепкость у меня развилась еще в детстве. Жизнь в коммуналке на десять семей научила. Проще было отрубить мне руку, чем отнять то, что я считала своим. – Пе-

ченье будешь? Правда оно все раскрошилось, но так и быть, поделюсь.

Я развязала свою «сумку», повозилась с молнией, вытаскивая из нее мои же запутавшиеся волосы. Вот, оказывается, почему было так больно: засранец хотел меня, спящую, обокрасть.

– Тебя бы без ужина оставить за то, что берешь чужое без спроса, – проворчала я, разворачивая пачку с печеньем.

– Меня уже оставили без завтрака и обеда. До утра не дотянул бы, помер от голода, – голос врунишки, кого чесночное дыхание выдавало с головой, был вполне бодр. И жевал он не жадно, собирал крошки с ладони с достоинством.

– Как зовут?

– Дай–ка.

Я не поняла, показала пустую упаковку от печенья.

– Не дам. Кончилось.

– Нет, не дай–ка, а Дайко. Имя такое. Вполне распространенное.

– А–а–а–а. А меня зови... – тут я зависла. Чужая страна, мало ли как тут принято обращаться с нелегалами. Назовешь кому–нибудь паспортные данные, а потом попадешь в розыск как преступница, незаконно пересекшая границу. Доказывай потом, что машина увязла в скале, а жениха унесли драконы. – Меня зови Шило. Имя такое. Не вполне распространенное.

– Это не то ли самое, что в заднице? – хмыкнул мальчиш-

ка.

– То самое. И не дай бог, чтобы это была твоя задница.

Шилом меня прозвали еще коммуналке. Весело мы тогда жили. Баб Нюра – единственная родственница, и то не шибко родная, поскольку оказалась сестрой моей бабушки, работала на заводе. Мать и защитница всех сирых и убогих, помнящих еще профсоюз, а потому находивших в ее лице рупор народа, числилась суровой вахтершей. Генеральный директор знал, что враг не пройдет, а потому вздрагивал, если только представлял, что по какой-то дурости вручит бабе Нюре ружье. Она заправски отстреляла бы всех несунув, которых и без оружия лихо обезвреживала. Если кто-то из рабочих вдруг переводился в другую смену, его сразу «брали на карандаш» – это ее выражение, поскольку понимали, что воровать хочется, а баб Нюра не дает. Проще перейти в смену вахтера Рустама: тот хоть и выглядел грозно с чисто выбритым черепом и с самой настоящей кобурой на поясе, хранящееся там «оружие» – сотовый телефон, вытаскивал лишь для селфи с хорошенькими лаборантками или раздатчицами.

– Что-нибудь еще пожрать есть, а? – голосом попрошайки проскулил Дайко.

– Нет, – я подтянула сумку ближе к себе. – Тут одежда и всякие мелочи вроде расчески и зеркальца.

– А деньги есть?

– Денег точно нет.

– И продать нечего?

Я задумалась. Что из того, чем обладаю, могу продать? И вообще, как я собираюсь отыскать Федю, если у меня нет средств к существованию?

– Продать нечего, но я умею вязать, шить и плести кружева, – я тайком пощупала грудь, где прятала свои сокровища. Даже под страхом смерти не отдам кольцо, которое так и не успела рассмотреть. Я только–только ответила «да» и протянула руку, чтобы Федор сам надел на палец символ всех влюбленных, как зазвонил телефон. Скомкав торжественный момент и извинившись, что звонок важный, Федя вышел на крыльцо. А дальше... дальше началась эпопея с хищением.

Я вздохнула и подумала об еще одном подарке жениха, который при случае пополнит мой бюджет – о золотом массивном браслете.

– Ты из гильдии белошвеек?

– Нет. Меня всему понемногу научила бабушка, – я грустно усмехнулась. Вместо того, чтобы гонять с ровесниками в колодце двора, я с пяти лет вывязывала носки шестью спицами. Слушала, как друзья играют в прятки, злилась и вязала ряд за рядом, чтобы побыстрее закончить и присоединиться к веселым играм.

«Еще пять рядов и переходи к резинке», – бабушка была неумолима. Вполне себе действенный способ набить руку и получить навык, что не даст помереть с голоду.

– А ты что умеешь? Чем живешь и зарабатываешь?

– Ворую помаленьку, – не стал скрывать Дайко. – А что еще остается делать? На работу не берут, говорят мал еще...

– Сколько тебе?

– Сорок.

– Блин, да ты вдвое старше меня!

– Э–э–э, – махнул рукой сорокалетний малец. – Это по людским меркам ого–го сколько, но я не человек. Вернее, не совсем человек. Ублюдок.

Мне сделалось неуютно, Дайко почувствовал, тяжело вздохнул.

– Я сам толком не знаю, кто я. Если глянуть на мою морду, то станет понятно, что в ком–то из моих родителей текла кровь нейверов. Пустынники частенько живут до пятисот, а потому сорок считают детством.

– Ты тоже сирота? – темень не давала рассмотреть лицо Дайко, а потому он казался обыкновенным мальчишкой, от силы лет четырнадцати. Тот самый возраст, когда ломается голос, а конечности кажутся несуразно длинными.

– И ты?

Я тоже кивнула в ответ.

– А что здесь делаешь, да еще одна?

– От пожара бегу, – я мотнула головой в сторону темного леса.

– А я к нему бежал, пока тебя не заметил. Интересно же поглазеть, как горит. Еще можно найти мясо.

– Какое мясо?

– Жареное. Когда пожар, не всякой птице удастся улететь. Или заяц вдруг запутается в силках. Тоже хорошая добыча.

– А силки кто расставляет?

– Кто–кто. Охотники из соседнего селения. Тебе повезло, что на волка не наткнулась. Видать, запах дыма от тебя зверье отогнал.

И как я не подумала, что лес не место для прогулок?

– Пойдем, горе мое, я покажу, где можно без страха переночевать, – мальчишка встал и протянул руку, чтобы взять тяжелую сумку. Я упрямо мотнула головой и повесила ее себе на плечо. Целее будет. Бегай потом за воришкой в темноте.

– И все–таки, зачем ты здесь? – он подождал, когда я присяду у заводи, чтобы умыться.

– Друга ищу.

– Так уже нашла, – он с уверенностью стукнул себя по груди, что рассмешило меня.

– Один друг хорошо, а двое лучше. Кстати, здесь драконы не пролетали? – я развязала подол платья и стала более менее похожа на человека.

– Нет. Что им делать в королевстве Алой Зари?

– Боже, а это еще что?

– Темная ты какая–то, Шило, – с сомнением в голосе произнес Дайко. – Шастаешь по лесу, а не знаешь, что он принадлежит эльфам? Ты, случаем, не из–за Бугра?

– Я не темная, я блондинка. Утром разглядишь, – про Бугор решила промолчать. Во–первых не обязательно это скала, где застрял внедорожник, а во–вторых... От осознания, что я попала в чужую страну контрабандными тропами, меня бросило в жар. Еще не хватало проблем с законом.

– Может еще и пожар ты устроила? – продолжал допытываться малец. – За такое по головке не погладят. Если найдут злой умысел, виселица обеспечена.

– Говоришь, звери бегут, потому что от меня пахнет паленым? Дай–ка, я на всякий случай еще раз умоюсь, – тут уж не до шуток. Достав рубашку и штаны, из–за чего моя походная сумка резко поубавила в объеме, я зашла прямо в платье в реку. Окунулась с головой, чтобы смыть какой–либо запах.

Выходя из воды, я заметила, что Дайко успел пошарить в моей сумке, но, не найдя ничего примечательного, сидел и терпеливо ждал, когда я вылезу на берег.

– Отвернись.

Он так же равнодушно отвернулся, дав мне переодеться в одежду похитителя и отжать любимое платье.

«Зеленый тебе к лицу», – вспомнились слова Федора и его жадный взгляд, которым он прошелся по моей груди и бедрам.

«Блин, не потеряла ли я свои сокровища?!» – мысль обожгла, но быстрое ощупывание успокоило. Все на месте.

– Там будет где высушить платье? Наверное, у вас не принято, чтобы девушка ходила в штанах? – я поймала сосредото-

точенный взгляд Дайко – луна как раз показала свой круглый лик: подробностей не разглядеть, но мужские штаны с платьем не перепутаешь.

– На жердь повесишь. Только кур не распугай.

– Мы будем спать в курятнике?

– Да, там есть место, куда складывают солому. Самый раз для ночевки. Гадство, все–таки как хочется жрать!

– Утром что–нибудь придумаем, – успокоила я, понимая, что растущий организм мальчишки требовал много еды. Сама не так давно была подростком и штурмовала ночью холодильник, за что не раз получала наказание.

Дайко не обманул. Деревня оказалась недалеко. Мы забрались на чердак, где я развесила платье и, уложив под голову все свои пожитки, закрыла глаза.

Боялась ли я мальчишку? Нет. Таким, если нет от тебя выгоды, ты быстро сделаешься неинтересна. Они палец о палец не ударят, чтобы помочь. Бросят, как ненужного котенка и побегут по своим, пацанским, делам. А этот остался, да еще с комфортом устроил на ночлег. Значит, ты ему, Вострикова, интересна. Пусть не золотом–серебром, которого, как он полагает, у тебя нет, а чем–то другим. Может тем, что понятия не имеешь, где оказалась и куда идешь? Врал про эльфов, или на самом деле те существуют? И ведь несколько не удивился, когда я спросила про драконов. Не сказал, ты чего, дура, какие драконы? Птеродактилей никогда, что ли,

не видела?

– Значит, все–таки драконы?

– А? Чего? – встрепнулся Дайко. Выходит, тоже не спал.

– Я спрашиваю, как найти драконов? Они моего жениха унесли.

– Иди на северо–запад. В горах они обретаются, в королевстве Звездной ночи.

– Ты мне завтра рукой покажешь, в какую сторону идти?

– Отчего не показать? Я и проводить могу. Все равно шибко не занят.

– Вот и хорошо. А теперь давай спать.

– Хоть бы твое платье высохло. С тобой в штанах мне срамно показываться. И обувь у тебя странная. Ненашенская.

– Я сама вся ненашенская, – зевнула я и закрыла глаза. Утро вечера мудренее.

Глава 3. Ненашенская

Мне снился Федор. Таким, каким я увидела его впервые. Он казался мне принцем: высокий, статный, с прищуром смеющихся глаз. Во всем его облике чувствовался лоск. Такой не приобретешь, сколько ни пыжешься. Это врожденное.

– Валерия Вострикова? – ведь знал, что никого из воспитанниц в школе не осталось, а все равно хотел лишний раз убедиться, что его не обманули. Что перед ним стоит та, которую для него подготовил отец.

Права оказалась Белая кость, когда поспорила с Пухом, что из нас выращивают жен. К чему иначе бальные танцы, уроки этикета и риторики? Нам ставили речь, осанку, шаг. Заставляли учить языки, даже те, что считались мертвыми: латынь и странный, о котором никто из нас не слышал – геллейский. Чем-то схожий с языком римлян, но более певучий. Ему уделялось внимания даже больше, чем английскому.

– Зачем? – спрашивала я, стучась головой об учебник. – Зачем нам этот язык, если на нем никто не говорит?

Он никак не давался ни мне, ни Пуху, ни Косточке.

– Язык королей и истинной белой кости, – замораживающий взгляд в сторону Елены Корз, когда та взвилась с места, чтобы выложить: ее родители никогда не пользовались мертвым языком, хотя тоже были из миллионеров. – Я не беру в

расчет нуворишей, разбогатевших в девяностые.

Директриса знала, как осадить.

– В наказание за недолжное усердие с сегодняшнего дня вы говорите только на гелейском. Ведение предметов тоже будет на нем.

Прочувствовав степень нашего отчаяния, хозяйка школы смилостивилась и отменила изучение прочих языков.

– А мне кажется, гелейский вовсе не язык королей, а какой-то тайный шифр для элиты, чтобы остальной народ их не понимал, – из упрямства на чисто русском прошептала моя подруга.

Настя Обухова, она же Пух, свято верила, что обладает пышными телесами вовсе не потому, что дружит с поварихой и частенько навещается к ней «поболтать». Все дело в ее деревенских корнях и широкой кости. Обладая природной практичностью, граничащей с пронырливостью, она быстро наладила связь с обслуживающим персоналом, и умело извлекала выгоду из такой «дружбы». Если Белая кость кривила лицо при виде садовника с вечно грязными руками, то Пух бежала поддержать лестницу или вместе с ним искала пропавший секатор. Но зато на ее подоконнике всегда благоухали свежесрезанные цветы, а на столе дразнила изобилием ваза с фруктами. Улыбчивая, с шикарнейшей рыжей косой и искрящимися любопытством глазами, Настя среди прислуги завоевала всеобщую любовь. Чего греха таить, я тоже пользовалась ее талантами. До поры до времени.

Однажды, когда мы в тайне от всех предавались чревоугодию, в комнату к Пуху вломилась директриса. За ней шел завхоз с напольными весами в руках.

Если мой вес еще как-то вписывался в шкалу шестнадцатилетних девиц, то Настя провалилась.

Под бдительным взором директрисы, завхоз повинытаскивал все наши заначки. Даже я поразилась количеству булочек, бубликов с маком, шоколадных батончиков и прочих «гадостей», когда их извлекли на свет. На следующий день в школе появился Сим Симыч.

Через год строгой диеты и каторжного труда на спортивной площадке, Пух с удивлением обнаружила, что ее широкая кость истончилась.

Ленка Корз нас ненавидела. Хотя она с самого начала выглядела, как высушенная вобла, ее тоже заставили пройти все круги ада. Если у Данте их было девять, Сим Симыч, обладая богатой фантазией и опытом в различных видах спорта, итальянца переплюнул. Мы насчитали как минимум пятнадцать.

Именно уровень физической подготовки натолкнул Пуха на мысль, что нас муштруют для разведывательной службы.

– Да-да, – многозначительно качала она рыжей головой. – А гелейский вовсе не язык королей, а шпионский код.

– Ха, шпионки! – Косточка никак не унималась. Ей обязательно надо было нас унижить. – Максимум на что вы годны, это работать в качестве эскорта.

Увидев, как наши глаза наполнились гневом, а Пух, сжав кулаки, выступила вперед, Ленка пошла на попятную.

– Разведчицы, так разведчицы. Хотя я думаю, каждую из нас ждет богатенький мужчина. Не зря же на наше содержание тратятся огромные деньги. Нисколько не удивлюсь, что распределение уже произошло.

– Не хочу старика, – Пух, только что чувствовавшая себя разведчицей, не выдержала полной смены курса. Она размазывала по лицу слезы. – Лучше умереть.

– Почему именно старик? – я тоже не хотела, но всегда старалась мыслить логически и не верить на слово. – Разве богатые люди только старики?

– На девяносто девять процентов, – подтвердила Белая кость. Счастливая. Ее забрали еще до того, как она «созрела» для одного из богатеев.

Я с ужасом ждала, когда же приедут за мной. Пух к тому времени уже отбыла из школы, по традиции тайно, даже не успев попрощаться. С ночи ее исчезновения я не находила себе места и с чуткостью суриката прислушивалась к посторонним звукам. Я едва не грохнулась в обморок, увидев своего принца. Как поверить, что мне, сироте, выросшей в коммуналке, достался тот самый один процент? Федор Звездный – предприниматель и сын магната, который по какой-то странной прихоти возжелал своему наследнику непременно русскую жену с неиспорченной кровью, пришел за мной лично.

О чистоте крови можно было бы поспорить, если брать за основу байки бабы Нюры. Я не знала доподлинной истории своих родителей, а потому в душе теплилась надежда, что с их кровью не все так плохо, как мне вдалбливала в голову гроза несунув, а по совместительству моя опекуна.

Сначала я верила, что моя мать влюбилась в грузинского князя (и откуда только взялся?) и изменила с ним отцу. Тот, вернувшись из долгой служебной командировки, застал их тепленькими, за что тут же покарал, а потом, снедаемый чувством вины и невозможностью изменить содеянное, повесился в тюрьме на собственных шнурах.

– Шлюха и убийца – вот чья кровь течет в твоих жилах! – баба Нюра, устав от тяжелого трудового дня, любила расслабиться за чарочкой самогона в компании таких же прожженных правдолюбов: дворничихи тети Кати и таксистки Евгении Павловны.

Когда я немного подросла, то перестала верить им на слово, поскольку место в маминой кровати занимали то полковник КГБ, и в него уже мой отец стрелял, то криминальный авторитет – с ним расправились в кулачном бою, то знаменитый артист, пафосно выкрикнувший «Всех не перебеешь!», прежде чем утонул в ванной.

Одно оставалось неизменным: я дочь шлюхи и убийцы, который повесился на шнурах.

Много позже мне открыли глаза на последнее: шнурков в тюрьме не бывает. Их сразу отбирают, как и ремень. Отно-

сительно специализации родителей все оставалось неизменным.

И вот такую магнат приготовил для собственного сына, которого должен был вроде как любить. Судя по тому, что нас, недоучек из элитной школы, разобрали будто горячие пирожки, и не через пять лет, а через каких-то три года, навело на мысль о нашей уникальности. Я долго размышляла, по какому принципу оценивали детдомовок, и не нашла ничего лучшего, чем признать: мы все трое были сказочно красивы. Но как они рассмотрели эту красоту в гадких утятах, до сих пор оставалось загадкой.

Жаль, что связаться ни с Пухом, ни с Косточкой я так и не сумела. Преподаватели пооткусывали себе языки, а остальные просто—напросто не умели «гутарить» на гелейском. Наказание, несмотря на преждевременное сокращение количества учениц, так и не отменили.

И именно на гелейском с самого начала разговаривал Дайко. Язык королей настолько сделался для меня привычным, что я только сейчас поняла это.

– Эй! Эй! Как тебя там! Проснись! Пора сваливать!

Я с трудом продрала глаза.

Надо мной стоял ночной воришка и тряс перед носом высушим платьем, думая, что так я приду в себя быстрее. Я потянулась и смачно зевнула. Директриса прибила бы меня за долгое плебейское «А–а–а–а!» и за все эти словечки, что проскакивают в мыслях. Но мне можно забыть все уроки. Я

в печали.

Стоило вспомнить, что я делаю в курятнике, и куда собираюсь идти, как сознание тут же прояснилось.

– Отвернись, – скомандовала я, и с ловкостью солдата, научившегося одеваться за время горения одной спички, легко побила армейский рекорд – скинула мужскую одежду и натянула платье. Беглый взгляд в зеркало и брошенная попытка вычесать колтуны (хорошо хоть солому выбрала), завершили утренний моцион.

– Где здесь колодец, чтобы умыться? – я села, приготовившись завернуть ноги в портянки.

Дайко обернулся на голос. Убедившись, что я одета, порылся в моей же сумке и неожиданно кинул в меня бутылкой с водой. Я, изловчившись, поймала ее.

Приятно видеть, как у гадов, думающих, что я девочка–колокольчик, открываются в удивлении рты. Да–да, я ловкая и сильная. Не раз ловила мяч лицом, а потому научилась не нарушать гармонию. Во мне все прекрасно. Это уже слова нашего психолога, стремившегося поднять самооценку детдомовок. Он снимал с нас комплексы так, будто чистил зеленую обертку с початка кукурузы. Слои за слоями. С тех пор я люблю себя и о родителях могу говорить с улыбкой.

– Умоешься здесь. Нечего шлаться по деревне. Пойдем, как и собирались, по следу драконов. Ты же хочешь вернуть жениха?

Я хотела.

При свете дня я разглядела качество воды и ужаснулась. Но, прислушавшись к себе и не обнаружив ни коликов, ни позывов, махнула рукой. Как только мы с Федором вернемся домой, пройдем обследование. Ни минуты не усомнилась, что так и будет. Человек непременно должен во что-то верить.

– Вот, примерь, – на разложенные портянки вывалилась куча башмаков, похожих на мюли – туфли без задника. Ношенные, но вполне приличного качества. На некоторых из них даже поблескивала бисерная вышивка.

– Откуда такая красота? – я подняла глаза на Дайко. Тот неопределенно пожал плечам. – Своровал?! Уж не поэтому ли нам срочно нужно покинуть деревню?

– Нет, не поэтому ли, – его лицо сделалось ехидным. – Кто-то поджег лес, и этого кого-то ищут всей деревней. Эльфы приволокли к дому старосты какую-то странную железяку, а у нее аккурат с одной стороны не хватает вот именно такого зеркала, – он ногой поддел мое. – Признавайся, ведьма, это твоя ступа?

– Боже! – я поняла, как сильно рисковала, собрав с места крушения вещи, не принадлежащие этому миру. – Ты считаешь меня ведьмой?

– А как отнестись к этому? – присев, он принялся бесцеремонно рыться в моей сумке и выкидывать из нее все то, из-за чего я рисковала жизнью, лазая по деревьям.

– Я могу объяснить, – я выцепила из кучи дезодорант. –

Это чтобы от тебя не пахло.

– Ты что, лазутчик?

Я оторопела повертела головой.

– А зачем тогда сбивать ищеек со следа?

Я только открыла рот, чтобы бы объяснить, как Дайко подскочил будто ужаленный.

– Демоново око?!

Не вовремя включившийся телефон нашел свою кончину под каблуком сапога.

Нащупав флягу с бензином, Дайко потряс ее, а потом отвинтил крышку и поднес к лицу.

– Осторожно! Пить нельзя, отравишься! – я сноровисто копала себе могилу. Мало меня записали в ведьмы и лазутчики, теперь еще подумают, что искала колодец, чтобы отравить воду. – Это горючая жидкость. Именно из-за нее вспыхнул автомобиль, – поняв, что слово «автомобиль» загнало Дайко в тупик, попыталась перевести на простонародный гелейский. – Ну, механизм такой... ай, ну как ее... телега. Запомни, не магическая ступа, а железная телега. Колеса видел? Летать не умеет, только ездить. И она не моя. На ней примчались похитители жениха. Вот, смотри, – из нагрудного кармана ветровки я достала фотографию Федора и присоединила к остальным вещам. – Я все это нашла у них. Одежда, заметь, мужская, – я потрясла перед носом Дайко портянками, но он даже не отмахнулся. Замер, уставившись на фото.

– Что? Ты его видел?

– Не-а, – не сразу произнес мальчишка. – Просто чудно написан портрет. Не маслом, как в доме у эльфов. И не красками, что разводятся водой.

Он поковырял пальцами гляцевую поверхность.

– Дайко, что мне делать? Скажешь, оставить все вещи здесь, оставлю. Ты, главное, покажи, куда улетели драконы. Даже можешь не идти со мной.

Мальчишка вернул фотографию.

– Хорошо. Я помогу, как и обещал. Если бы не сгорел лес, никто бы и не всполошился. А теперь придется это и это оставить здесь, – в сторону полетели зеркало и кроссовки. – Одежду тоже оставь. У нас не носят такое.

Я прижала к груди ветровку.

– Но ее хотя бы можно? А вот этот свитер? И еще...

– Я все сказал, – он положил руку на рубашку, проигнорировав перетянутый на колени свитер. – Выбирай башмаки, что будут впору, и пошли.

К удивлению из десятка пар, подошли три. Одну я надела, две другие завернула в «портынку».

– Возьму с собой. Никогда не думала, что эльфийки такие большеногие.

– Это мужские. Я утром приложил ладонь к твоей ступне. По ней и выбирал.

Я выразительно вздохнула. Быстро сунула в сумку, в которую вновь превратила ветровку, те немногие пожитки, что

Дайко разрешил взять. От блокнота пришлось оторвать обложку, чтобы иностранные слова не бросались в глаза. Флягу с бензином мальчишка сунул в свой узелок.

– Куда спрячем оставшиеся вещи? – я посмотрела на безобразие, что мы устроили на сеннике.

– Пусть валяются. Если найдут, подумают, что здесь ночевал ведьмак, хозяин той штуковины. На него и сгоревший лес спишут.

– И правда, – согласилась я. На меня никак не подумают. Я вполне приличная женщина и не могу быть злостной уничтожительницей зеленых насаждений. – Мне бы волосы привести в порядок, а то на самом деле похожа на ведьму.

– В городе будешь прихорашиваться.

– А до него далеко?

– Сутки пути.

– Дайко, а мы обедать хотя бы будем? – для усиления слов, которыми пыталась разжалобить, положила руку на живот. Что для меня полпачки печений? Вспомнился шикарный салат, который я так и не попробовала. Вот не могли похитить Федю после горячего! Найду уродов, не знаю, что с ними сделаю! Да, когда я голодная, ужасно злая и не в состоянии соразмерить угрозы с реальным положением дел. Я против драконов букашка. Но хотя бы помечтать можно?

– Давай сначала выберемся, а уже потом о еде подумаем.

Глава 4. Пустынник попаданке не товарищ

Чистые улицы, аккуратные, на немецкий манер дома, изгороди, увитые плющом. Колокольня с остроконечной крышей. Рядом дом покрупнее, побогаче. Забор повыше и не просто штакетник, а металлическая решетка с замысловатыми вензелями и застывшими цветами. Сразу видно, что здесь живет местная шишка.

Когда ударил колокол, я вздрогнула и обеспокоенно оглянулась. Дайко тут же сжал мою ладонь, иначе я побежала бы.

– Тихо! Они просто сзывают народ на площадь. Эльфы нашли твою телегу.

Седан я заметила издалека. Его черный остов возвышался, как заводская закопченная труба, которой я в детстве любовалась из окна нашей коммуналки. Эльфы поставили машину точно так, в каком положении нашли – она упиралась разбитым носом в землю. Видимо, сползла с дерева, но не опрокинулась. Распахнутый багажник делал автомобиль похожим на ступу в стиле хай-тек. Шины полностью выгорели – они-то и дали тот черный дым, что так густо пачкал небо.

Удивительно, что на меня, дрыхнущую... Я остановила себя, решив даже мысленно выразаться культурно, иначе быстро опущусь до лексикона пьяных баб Нюр и тетя Катя.

Итак, заново. Удивительно, что на меня, спящую у реки, никто не наступил. Скорее всего, эльфы шли к месту аварии другой, более короткой дорогой.

Вокруг памятника разгильдяйству собрались многочисленные жители деревни. Внешность Дайко, несмотря на выбеленные солнцем вихры, выдавала в нем иноземца. Узкоглазый и коренастый, он сильно отличался от местного населения: высоких, тонкокостных и светловолосых эльфов, устремившихся взорами на чудо колдовства. Со спины трудно было определить, кто стоял передо мной, и лишь лосины, что плотно облегали мужские бедра, да юбки, колоколом бьющиеся о щиколотки, позволяли понять, кому принадлежали шикарные, гладкие будто шелк, волосы. У иных особей они спускались гораздо ниже талии и не всегда это были женщины.

– Чем длиннее волосы, тем выше достаток, – сообразив, куда я глазею, подсказал мой попутчик.

– Понятное дело, поработай с такой прической в поле.

– Вот сразу видно, что ты не местная. Чтобы эльфы да в поле? Для этого есть батраки вроде меня.

– А... – я огляделась, надеясь увидеть и других представителей мира.

– И нет их здесь только потому, что трудятся от зари до заката. Батракам некогда пялиться на железную телегу.

Я не стала углубляться в тему неравноправия, в голосе Дайко и без того слышалась классовая ненависть.

Эльфы были так увлечены лесной находкой, что не замечали ни снующих под ногами детей (боже, какие же они хорошенькие!), ни нас, торопливо минующих собрание.

– Я думала у эльфов уши острые. Ну, как у осликов.

– Нормальные у них уши. Приглядеться надо, чтобы увидеть эльфийский холм.

– Ах, вот как это называется...

– Но наши с тобой безошибочно запишут в плоские, а, значит, уродливые.

– Как-то мне обидно, – я потрогала свое вполне кругленькое ушко.

– Эльф ни за что не увлечется тобой. Ты для него будешь недостаточно красива. Здесь бы поменьше, – он взглядом указал на грудь, – а там уже.

Это уже о бедрах. Боже, а мы с Пухом, гордились, что не остались плоскогрудыми, как Белая кость! Не видать нам эльфийской любви.

Беседу прервал гул голосов. У остова сгоревшего автомобиля вырос эльф с обручем на голове. По холодному взгляду, моментально заставившему толпу замолчать, угадывался местный глава.

– Староста. Сейчас вещать начнет, – Дайко потянул меня за локоть, а я никак не могла оторвать глаз от красивого мужчины, которого с большой вероятностью стошнит от моего уродства. Ему-то было чем гордиться: выраженный эль-

эльфийский холм, правильные черты лица, острый нос, такой же подбородок, капризно сложенные губы. И длинные, чуть не до колена волосы. Они дернулись шелковой гривой, когда староста поднял руку, унизанную кольцами, и возвестил:

– В деревне ведьмак. Это его ступа.

– С чего взяли? Разве ж похоже на ступу? Чужака сразу бы заметили! – послышались разнбойные выкрики.

– Лес выгорел, следов не осталось! Как догадались, что ведьмак? – народ любопытствовал и требовал доказательств.

Староста театрально протянул ладонь, и один из прихлебателей, кого легко вычислить по сгорбившейся в вечном поклоне спине, торопливо развернул тряпицу и вложил в руку хозяина какой-то предмет. Я даже поднялась на цыпочки, чтобы рассмотреть.

– И он великан!

У меня от страха подогнулись колени, и я сделалась ростом чуть ли не ниже Дайко: красавец мужчина взметнул руку вверх, и весь эльфийский народ ахнул. Я узнала свои кроссовки. И, наконец, сообразила, что пора бежать. Быстро же они нашли наше куриное логово!

– Я же говорил, пора убираться! – прошипел Дайко и дернул меня с такой силой, что я едва не упала.

До леса, расположенного уже с другой стороны деревни, мы домчались со скоростью марафонцев. Дайко задыхался, а я лишь вспотела. Сим Сими, спасибо!

***

Умывшись в ручье, мы двинулись вдоль него. Дайко все время что-то высматривал и, когда выбрались на поляну, скомандовал:

– Привал. Завтракать будем, – и деловито развязал свой узелок. Отложил в сторону флягу с бензином, ту самую рубашку, что забраковал (ах ты поросенок!), тощий кошель, разномастные ключи на кольцо и добрался, наконец, до туеска, из которого торчало горлышко стеклянной бутылки, прочно запечатанной пробкой. В такой у нас вино продают.

– Тоже от демона? – поинтересовалась я. Он непонимающе вскинул глаза.

– Мы их иногда из реки вылавливаем. У бобровой плотины, – тут он, вспомнив что-то, оживился. – А ты, случаем, не знаешь, зачем в них бумагу засовывают? Ну или кусочки коры?

Закравшееся подозрение заставило уточнить:

– А на этих бумажках что-нибудь написано?

– Да, только никто прочесть не может. Не на нашем языке.

– По памяти можешь написать?

Дайко свел задумчиво брови, поднялся с травы, отыскал прутик и у ручья, там, где намело мелкого песка с илом, вывел «SOS».

– Спасите наши души, – выдохнула я. – Это знак бедствия. Скажи, откуда и куда течет та река? – я мотнула головой в сторону оставленной деревни.

Мальчишка сделал вид, что сильно занят: принялся лю-

бовно разделявать вареную курицу. С нее свисали ошметки лапши. Как пить дать, вытащил из кастрюли, пока горе—хозяйка глазела на ступу ведьмака. Моя совесть в очередной раз смолчала. Голод притупляет все чувства, кроме желания набить желудок.

— Ну так что? — я с благодарностью приняла куриное бедро, подставив под руку лопух, чтобы не обляпать соком платье. — Почему молчишь?

— Все реки текут к морю, — нехотя ответил он.

— А откуда именно эта берет исток?

Дайко вздохнул и перестал жевать.

— Из Демоновой пади. Там когда—то демоны жили, пока не повылазили наружу и не получили по соплям. С тех пор в подземелье пусто.

— Значит, не совсем пусто, раз река бутылки с записками выносит.

— Ни один из наших не отважится сунуться в пещеры, а тем более в подземелье. Магические ловушки заставят плутать сто дней и сто ночей, но так и не выпустят наружу.

— А если рассказать, что значит «SOS», эльфы пойдут выручать заблудившихся?

— Я же говорю, наши навряд ли сунутся: всякую шваль наподобие тебя не жалко... — Дайко осекся.

— Почему же ты идешь со мной, раз так сильно ненавидишь? — я отложила надкусанное бедро.

— А чего вы лезете в чужой мир? Понаехали... Ладно бы

что новое и полезное несли, так нет, норовите последнее, что после демонического разорения осталось, присвоить. Разве же я не вижу, что вы все, как один, стремитесь к храму богини Тьмы? А что там делать, как не святить очередной артефакт?

– Я не понимаю, какая богиня Тьмы, какие артефакты?

Дайко отвернулся, спрятал глаза.

– Честно скажи, куда ты меня ведешь? – сделалось так страшно, что сердце защемило. Читала я, как наивные девочки, доверившись первому встречному, попадали в смертельную переделку, вот и я оказалась в их числе. Что я знаю о Дайко? Что я вообще знаю о чужом мире? И почему он не сдал меня эльфам? Стоило только крикнуть, вот она, ведьма, и все кончилось бы.

– По драконьему следу веду.

– Так ли? А почему сразу не в Демонову падь? Ты ведь туда таких же как я, бедолаг, заводил? Обчищал и оставлял подыхать.

Дайко повернулся, смерил меня взглядом. И был тот взгляд совсем не детским.

– Догадливая, – процедил он и полез в карман. Отчего-то мне было важно увидеть, что он вытащит. Я напряглась, сделалась пружиной, готовой сорваться по первому знаку.

И я была готова. Как только он молниеносным движением кинул в меня удавку, я скользнула в сторону и быстро поднялась на ноги. Удавка, оказавшаяся изящной змеей, недо-

вольно зашипела и заплясала на кончике хвоста.

– Мы, пустыnnики, никогда не выпускаем добычу из рук, – он хищно улыбнулся и плавно двинулся по кругу, оставив между нами туесок с разодранной курицей. Я, желая сохранить безопасную дистанцию и стараясь не упустить из поля зрения ни змею, ни Дайко, вдруг переставшего выглядеть подростком, повторяла все его движения. Передо мной находился сильный и коварный враг. Он даже ростом сделался выше. Магия? Скорее всего, мне отводили глаза: взрослого мужчину я бы к себе не подпустила, а мальчишке доверилась.

«Не суетись, – вспомнились наставления Сим Семыча перед боем. – Ищи у противника слабые стороны. Или сделай что–нибудь такое, что его ошеломит».

Точно такими же словами он напутствовал Белую кость и Пуха. Мы отрабатывали технику на самом тренере, и лишь один раз мне удалось уложить того на лопатки, когда, воспользовавшись его же советом, вдруг впилась в губы поцелуем. «Вострикова, дура!» – только и успел выдохнуть он, когда от подсечки завалился на спину.

Дайко я целовать не собиралась. Я хорошо знала Сим Семыча и совсем мало пустыnnика.

Он сделал ложный выпад вперед. Я повелась: отшатнулась и раскрылась. Змея как будто ждала – прыгнула и больно стукнула головой в грудь.

Что делает девушка, когда такая гадость, как змея висит,

вцепившись зубами, в любимое платье?

Визжит? Прыгает и машет руками, чтобы помогли стряхнуть? Ждет, когда гадина отвалится сама? Нет. Безжалостно отрывает от себя и отшвыривает. Желательно в лицо врага. Чего Дайко никак не ожидал. Змея тоже не ожидала. И так разъяренная неудачей, она впилась в щеку пустынного и задергалась всем телом, не в силах разжать челюсти.

Пустынник страшно заорал. Он кричал и кромсал змею ножом.

Я понимала, что рано или поздно, Дайко расправится с гадом и тогда пощады не придется ждать. Надо было хоть как-то вооружиться и дать отпор. Первой попалась в руки фляжка с бензином. Я еще решала, бежать со всех ног или швырнуть ею, как камнем, в пустынного, чтобы добить его, как зашуршали кусты, и из них выбралось нечто с горящим мечом в руке.

– Джедай?!

Короче, фляга полетела в это нечто. Сама удивляюсь, как попала. Звон стоял такой, что эльфы в деревне должны были перекреститься. Или что они там делают, когда слышат колокольный бой.

– Дура, – совсем как Сим Симыч произнес воин, с трудом стаскивая с себя шлем вместе с каким-то смешным чепчиком. Видимо, чтобы от соприкосновения с железом не напекло голову. Светлые волосы рассыпались по плечам. – Я тут мчусь на помощь, а она булыжником по голове.

– Мне не нужна помощь, – я, все еще не отойдя от жара схватки, собрала лезущие в лицо волосы и закрутила их в фигу. Во враждебном мире всегда нужно быть начеку. – Это он сейчас сдохнет от укуса змеи.

Незнакомец с сожалением глянул на погнутый шлем и, зашвырнув его в кусты, присел на корточки рядом с извивающимся на траве Дайко. Положил «остывший» меч рядом, но вспомнив о моем присутствии, переложил его подальше, дав тем понять, что агрессивную девицу опасается больше, чем пустынного.

– Не сдохнет, – воин вцепился сильными пальцами в голову мертвой змеи и разжал той челюсти.

Дайко заскулил, как брошенный пес. Мне нисколько не было его жалко.

– Змея вирху – второе я нейверов, – белобрысый рыцарь заглянул гадине в пасть. – Послушное и исполняющее волю оружие. А ты заставила его обернуться против хозяина.

– И что теперь с ним будет? – хотелось услышать, что Дайко арестуют и посадят. Прикидывался мальчишкой, а на самом деле охотник за головами.

– Ничего не будет. Нейвер, лишившийся вирху, должен подчиняться тому, кому проиграл. Поздравляю, ты завела себе верного пса.

– Не нужен мне такой пес, – я стояла над затихшим Дайко и беззастенчиво разглядывала незнакомца. Что сказать? Как и все эльфы тот был хорош. Правда, я не сумела рассмотреть,

есть ли у него эльфийские холмы, но какой еще блондин может болтаться на землях «лесных человечков»? – Я верила Дайко, а он на меня свое второе я натравил. Вон, платье теперь штопать придется, – я оттянула драную ткань, – а я так его любила.

Лицо воина потемнело.

– Тебя укусила змея?

Я облизала пересохшие губы. Помяла грудь, пытаюсь понять, болит–не болит.

– Быстро снимай!

Перед лицом смерти все мы забываем о ложной стыдливости. Желая получить от врача ответ: «Ничего страшного, жить будете, только попейте витаминчики», мы готовы раздеться хоть на глазах у всей очереди, лишь бы нам подтвердили, что можно выдохнуть и не бояться, жизнь продолжится.

Вот и сейчас, несколько не стесняясь незнакомца, я через голову стащила платье, а увидев, что и у кружева на лифчике нарушено плетение, расстегнула и его.

Браслет и кольцо, о которых я, пребывая в шоке от близкой смерти, успела забыть, звякнув, вывалились в траву. Я только подалась, чтобы поднять их, как рука эльфа накрыла мою грудь.

– Не дергайтесь. Я только посмотрю место укуса. Зубы вирху не страшны для нейверов, но для остальных смертельны.

– Зачем вы осматриваете правую грудь? – все во мне оцепенело от страха. Неужели все-таки умру? Здесь, на чужбине? Я сама переместила его руку на нужную половину. – Ткань порвана слева. Значит здесь и укусила.

Лицо мелко покалывало. Во рту пересохло. Даже показалось, что распух язык. Мама!!!

Мужчина смущенно улыбнулся.

– Простите, – его ладонь как-то особенно ласково коснулась груди. Большой палец будто невзначай задел сосок. Осмотр смертельно больных, которым срочно нужна помощь, обычно так не происходит. И только тут закралось сомнение, что меня разыгрывают.

Я хлопнула по руке эльфа и быстро закрыла ладонями грудь. Хорошо, что не попросил снять трусы. В страхе за жизнь я бы и их стащила.

– Вы ведь издеваетесь надо мной?

– Должен же я отомстить за свой шлем? – он посмотрел мне в глаза. Пришлось прочесть десять раз мантру «Я люблю Федю». – Гравировка на нем, между прочим стоит... стоила, как половина коня.

– Найдите костоправа, и он быстро поправит металл. Будет как новенький.

– Мне не пристало носить чиненные вещи. Одевайтесь, – эльф подобрал брошенное платье и протянул его мне. – Если бы вас укусила нейверская змея, вы бы умерли в тот же миг. Пустынник не знал, что вы прячете на груди женские

побрякушки, а потому не был готов к ответному броску.

– Змея тоже не ожидала?

Эльф наклонился, чтобы поднять браслет, а я поторопилась схватить кольцо. Черт с ним, с браслетом, пусть рассматривает. Я все равно хотела его продать. А вот к последнему подарку Федора я никому не дам прикоснуться.

– Мда, она ударила по металлу несколько раз. Вот, смотрите, следы яда, – незнакомец ногтем показал на прозрачную каплю. А на вас ни царапины. Я еще не встречал счастливых, выживших после нападения нейверской змеи.

Пока он восхищался моей удачливостью, я успела одеться. Вытащив из пальцев эльфа браслет, осторожно вытерла его о куртку Дайко. Буду еще пачкать свои вещи!

Порывшись в узелке паршивца, забрала назад свою рубашку и бутылку с молоком. Нашарила в кустах флягу с бензином и, мстительно пнув открывшего глаза, но все еще обездвиженного нейвера, подхватила валяющийся рядом с ним нож. Все это уложила в свою сумку. Моя совесть молчала: я не мародерствую, а беру плату за вероломство. Проигравшие войну должны понимать, что все имеет свою цену.

Вспомнив, что так и не насытилась, и неизвестно, когда перепадет поесть, отломив от курицы приличный шмат и, откусив от него, повернула в ту сторону, где должна пролегать дорога.

– Вы куда? – удивился «спаситель», до того с любопытством наблюдавший за моими действиями. – А нейвер?

– Я уже сказала...

Пришлось сделать паузу: вцепившись зубами, я не сразу оторвала новый кусок. То ли курицу не доварили, то ли порода такая, жилистая. Но мне было наплевать. Когда я голодна, я сама не своя.

– ...пес мне не нужен. Мне никто не нужен. Так спокойнее.

И пошла. Правда, прежде чем скрыться за кустами, обернулась.

– Кстати, не подскажите, здесь драконы не пролетали?

Глава 5. Встречи и расставания

Реку я не увидела, а слышала. На этом отрезке пути она, делая петлю с небольшим островком посередине, достаточно близко примыкала к дороге. Спустившись к воде, я вымыла руки и освежила лицо. Схватка с нейвером и его змеей заставила попотеть.

– Вот же ж подлюка, – сказала я своему отражению, все еще возмущаясь вероломством попутчика, который мгновенно, стоило появиться «второму я», преобразился из язвительного малого в смертельного врага. С этими нейверами вообще надо быть начеку. Вспомнив «рыцаря» и рассказы об эльфах, их тоже внесла в список тех, с кем лучше не связываться. Уши, видите ли, у остальных уродские!

Течение реки подсказало, в какую сторону идти, и через пару часов пути я добрела до мельницы, возле которой скопилось немало телег, груженных мешками с пшеницей.

– До города далеко? – спросила я у расторопного мальчишки, что помогал старшему сотоварищу. Пока тот рассчитывался за помол, юнец успел запрячь лошадку, которую до того водил на водопой. Я наблюдала за ними, отдыхая на скамейке. Чужие туфли, хоть и без задника, все равно натерли, и я с сожалением вспоминала о «ведьмовских» кроссовках. Перебинтовав пальцы располосованной портянкой, прихваченной еще в курятнике, достала новую пару мюли из более

мягкой кожи.

Малец покосился на меня как раз в тот момент, когда я, скривив лицо, засовывала ногу в башмак.

– Тебе и недели не хватит доплестись, – буркнул он.

– А вы не в город случайно? – я уже и местечко присмотрела рядом с кучером. Там вполне три человека усядется.

Малец сразу понял, о чем я, поэтому живо отреагировал.

– А чем заплатишь?

Да, об автостопе здесь не слышали.

Я задумалась, не зная, что делать. Лезть за пазуху и вытаскивать браслет? Но он массивный и задешево его отдавать жалко. Продать флягу с бензином? Но придется демонстрировать горячность, а так близко от леса, где ищут поджигателя, опасно. Трясти мужской рубашкой, которая самой пригодится, как нож и все остальное, тоже не дело.

– Денег нет? – догадался мальчишка. – А ты серьги продай.

Ой, а вот о них, совсем небольших и с зеленым камешком под цвет глаз и платья, я совсем забыла. Схватила пальцами, чтобы проверить, что обе сережки на месте.

– А сколько дашь? – я лихорадочно считала, какую сумму запросить, но обнаружила к своему стыду, что не только не знаю, как называется местная валюта, но и курс по отношению к рублю.

Малец подошел ближе, задумчиво почесал вспотевшую макушку.

– Десять курфляков.

– Э–э–э, парень, да тут изумруды одни потянут на тысячу, – я стала умнее, а потому сразу задрала цену, чтобы посмотреть на реакцию покупателя. Продавать серьги было жалко, тоже подарок Феди, но иного выхода я не видела.

Мальчишка захлебнулся негодованием.

– Да их цена в базарный день с лихвой на сто потянет. Дам один золотой фляк и дело с концом!

– А почему предлагал десять курфляков? На дурака проскочить надеялся? Два фляка и ни курфляком меньше! – я быстро сообразила, что сто курфляков равны фляку.

– Панек, о чем торг ведешь? – рядом вырос осанистый дядька. По одинаково оттопыренным ушам, которые не смогли прикрыть даже выющиеся до плеч вихры, угадывалось родство. Понять бы еще, есть на них эльфийский холм или нет.

– Да вот, для Ирлены серьги присмотрел. Просила же привезти необычный подарочек, а эти, глянь, как мудрено закручены.

Что мудреного в моих серьгах, я не знала, но выхватила важное – они необычные.

– Пять фляков!

– Ты ж только что два предлагала, – от негодования мальчишка аж покраснел. На его носу и щеках еще ярче запылали веснушки. Явно не эльф. Те вечно бледные. Я же помню, как «рыцарь», злясь на меня, совсем не поменялся в лице.

– Шесть! – по глазам отца заметила, что ему идея сына понравилась, поэтому снахальничала.

– Ты, девка, не чуди. Давай на четырех сойдемся, – подал он голос, потрепав лапищей макушку досадливо выдохнувшего сына.

– Четыре, но вы довезете меня до города, – я с удовлетворением убедилась, что бонус прокатит, а потому обнаглела еще больше, – и накормите. Дважды в день!

Только для вида почесав затылок, потянув время в надежде, что я передумаю и сниму с цены харчи (но я кремень!), мужик кивнул. Достал из кармана кошель, отсчитал четыре золотые монеты и высыпал мне на ладонь. Я, разглядев на кругляше лик надменного эльфа со звездой во лбу, попробовала на зуб сначала одну, потом все остальные. Видела в кино, поэтому воспользовалась старинным способом. Правда результат не смогла оценить: твердые и твердые – с таким же эффектом можно было и пять копеек покусать, но потому, как лица покупателей не вытянулись, поняла, что метод выбрала верный. Теперь бы еще рот пополоскать.

Сложила в один из многочисленных карманов ветровки и вжикнула молнией. Вот она–то как раз и заинтересовала отца с сыном.

– Эх–как у тебя ловко застегнулось! – восхитился обладатель моих сережек. – Что за магия такая?

– Змейка, – произнесла я как можно небрежнее.

Черт, чуть не спалилась! Ладно, знаю уже, как объяснить

наличие забугорной бутылки из-под вина, но вот молния... Хорошо, сами местные подсказали. Магия, так магия.

– С ней нужно быть осторожнее. Чуть прикоснешься, ужа-лит, – врать так врать. Надо как-то обезопасить свои денежки.

Мужик уважительно покачал головой.

– Присаживайся, милая, – место, на которое я метила, помахало ручкой. Мне бросили рогожку на мешки в самом конце телеги. Видно переборщила с магическими угрозами.

Только усевшись, я оценила предложенное койко-место: хочешь, лежи, а не хочешь сиди и болтай ногами. Телега тронулась, и за ней тут же увязалась рыжая собака.

– Круч, следи! – крикнул мальчишка, усаживаясь на облучке рядом с отцом, и я поняла, что нахожусь под неусыпным надзором. Пес, смерив меня взглядом, превентивно гавкнул. Ноги пришлось подтянуть до подбородка. Кстати, я совсем забыла, что не так давно тормозила им. Вчера здорово щипало, а сегодня... сегодня даже не обнаружилось болячки. Что за волшебное пойло хранилось во фляге до того, как я заполнила ее бензином? И не потому ли речная вода не навредила моему желудку?

***

Добирались до города без особых проблем. Днем несколько раз делали привал, чтобы размяться, перекусить и шмыгнуть в кусты. Пару раз пришлось заночевать рядом с такими же телегами, что ехали в город.

Пес Круч оказался вовсе не крут после того, как сжевал куриные косточки и вылакал молоко, что я честно поделила между всеми. Бутылку подарила на память Панеку, предварительно рассказав ее историю. Не всю, а ту часть, где она застряла в Бобровой плотине.

– Неужели из Демоновой пади занесло? – Панек вытаращил глаза и любовно огладил бочок стеклянной тары. – Бать, расскажи о демонах.

– То великая была битва, – огонь освещал бородатое лицо Хочмы – так звали хозяина телеги. – Демоны шли лавиной, не жалея ни старых, ни малых. И когда уже весь мир пылал, маги трех королевств, отринув споры и разногласия, объединились. До того пустынные, подлюки змеиные, держались в стороне. Думали, что демоны обойдут стороной их пески. Но, видать, плохо знали рогатых. Те тайно пробрались вглубь пустыни и убили их главного талифа.

– Пап, а об артефактах? – глаза Панека горели любопытством. Не раз слышал, а все равно хотелось окунуться во времена великих битв.

– О, рассказывают, они были их главной целью. Каждый король, каждый сколько-нибудь значимый маг обязательно имел при себе родовой артефакт. Какие помогали искать воду, какие превращали ту воду в вино, но были и злые. Те старались попусту не использовать. Родня убитого талифа сильно потом жалела, что правитель пустынь, как только узнал о нашествии демонов, не применил Гнев песков – ветер, что

мог убить на расстоянии. Все надеялся, что враг, зная о таком оружии, обойдет стороной. Ан на тебе! Украли! Нейверы, они же дикие. Их только разозли. Короче, они примкнули к эльфам и драконам. А уж там, где один маг не справится, три что-нибудь да удумают.

– И как только сумели победить? Без главных-то артефактов? – я упорно делала вид, что «нашенская», боясь, что «забугорщики» здесь не в чести, а потому задавала вопросы аккуратно.

– Они подманили демонов самым сильным артефактом – Жаждой. А когда те ломанулись за ним, маги сомкнули пространство до кротовьей норы, оставив им только один путь – за Бугор.

– И столь велика была та Жажда, что демоны, будто замороженные шли за ней, – нараспев добавил Панек. – А кто устоял, был добит воинами Трех королевств.

– Они открыли портал! – догадалась я, понимая теперь, откуда на Землю пришло зло.

– Жаль только, что вместе с демонами пропали артефакты, которыми маги ловко управляли миром для пользы народа. Хотя и демонам не повезло. В Забугорье, рассказывают, артефакты просто безделушки, там же магии нет.

– Ни себе, ни людям, – Панек подложил дрова, чтобы в котелке быстрее закипело.

«Похоже, что наша директриса как раз и есть из тех демонов. И кое-кто из коммуналки», – находясь под впечатле-

нием от рассказа, я не заметила, как приготовилась похлебка, и, сунув первую ложку в рот, сильно обожглась. Теперь я точно знала, что прошла в Три королевства через ту самую кротовую нору. И кто же такой сильный, что смог ее открыть из мира, где нет магии? Или удерживали с этой стороны – ждали, когда похитители Феди вернутся? Блин, да я чудом проскочила!

От своих попутчиков, так привыкших ко мне, что пустили посидеть на облучке, узнала, что мир когда-то делился на четыре королевства: Вулканов, Алой Зари, Звездного Неба и Палящего Солнца. После двадцатилетней войны от него остались только три, где правили эльфы, драконы и пустыньники. Демонов же извели полностью.

Я дремала, когда меня растолкал Панек.

– Эй, Шило, приехали. Вон твой Хестард. А нам дальше, до Ракушек. Будешь у моря, заходи.

Я обняла мальчишку, кивнула его отцу и, подхватив свою котомку, направилась к освещенным факелами воротам. Постучала, но не получила ответа.

– Жди утра, – кто-то проворчал из темноты, – ишь, нетерпеливая какая.

Только тогда я заметила, что вдоль крепостной стены стояли телеги и в них спали люди, а кто-то, кто как и я пришел пешком, лежали прямо на земле. Я достала из сумки свитер и надела его поверх платья – он явно принадлежал здоровяку

и легко дотянулся до колен. Обняв свои пожитки так, чтобы у меня, у спящей, их не увели, я прислонилась спиной к колесу телеги. М—да, представляю, как мое платье будет выглядеть утром.

«Федя, я иду за тобой».

***

– Эй, поберегись, зашибу! – окрик, разбудивший меня, принадлежал хмурой женщине. Она, недовольно глянув на меня, с трудом взгромоздила свой объемный зад на телегу. Та под немалым весом накренилась и опасно закрипела.

«Еще задавит!» – я спросонья вскочила будто заполошная и кинулась в сторону, где нечаянно налетела на спящих на земле. Получив порцию отборной брани, понеслась к воротам, где уже скопилась немалая очередь.

– Пять курфляков. Пять! – кричал воин, расталкивая народ, чтобы открыть дверцу для безлошадников. – Кто с телегами, приготовьте десять!

– А почему так дорого? На прошлой неделе было семь, – толстая тетка, что едва не лишила меня жизни, вертела головой, ожидая хоть от кого-то получить ответ.

Откликнулся стражник, что со звоном бросал монеты – дань очередного пешехода в установленный рядом с ним металлический бочонок.

– На восстановление сгоревшего леса под Бугром!

Я невольно втянула голову в плечи.

– Совсем эльфы обнаглели, – ворчание женщины поддер-

живали стоящие рядом. – Сами не усмотрят, а потом с народа дерут.

– Дура, тебя же защищают, – откликнулся кто-то от ворот. – Если б вовремя не остановили, твоя пасека тоже сгорела бы. Едва Беличьи ручьи отстояли.

– На Противожор деньги дай, на лес деньги дай, на Бобровую плотину – дай! Сколько можно?

– А что такое Противожор? – тихо спросила я девушку, что грызла губы, нервничая из-за медленно ползущей очереди. У ворот опять возникла заминка: стражники вышвыривали кого-то взащей.

– Артефакт, который не дает разгореться пожару.

Больше объяснений я от нее не дождалась. Полезла в сумку и, совсем потихоньку вжикнув молнией, чтобы не привлекать внимание любопытствующих, вытащила один из четырех золотых.

У ворот протянула фляк стражнику и едва успела поймать того за руку, когда после слов «Прходи!», он вознамерился сунуть золотой в узкую щель бочонка.

– А сдачи?

– Ты что, слабоумная? – дыхнул он на меня кислым запахом табака. – Сказано пять курфляков, так и дай их. Я тебе не меняла.

– А кто меняла? – я с трудом вытянула из сильных пальцев монету. Хорошо, что успела. Меня подхватили под локотки и выкинули из очереди.

– Пошла вон!

Я едва не рухнула на колени. Такого унижения я еще не испытывала. Не могли, гады, объяснить по-человечески! Обида смешалась с жадой мести. Меня аж потрянуло от злости.

Как спустя мгновение я поняла, потрянуло не только меня. Дурным голосом завывала баба в телеге, ухватившись за опасно накренившийся бочонок меда, сел на задницу мальчишка, выпустив из рук ведро с яблоками, вцепились друг за друга, чтобы устоять на ногах, те двое, что вытащили меня из очереди, а с городской стены посыпалась каменная крошка, заставившая народ от нее отхлынуть. Началась паника.

– Что стоишь, глупая, затопчут! – кто-то с силой дернул меня за руку и потащил за собой.

– Рыцарь! Никак вы? – изумилась я, узнав того по шлему с вмятиной. И ведь не побрезговал, надел снова!

Услышав за спиной усердное сопение, обернулась и едва нос к носу не столкнулась с бегущим Дайко. Подлец улыбался, несмотря на то, что половина его морды была замата-на какой-то тряпкой. Неужели радуется новой встрече? Или предвкушает, как всадит в меня нож?

Глава 6. В гостях у эльфа

– Что это было? – спросила я, оказавшись в безопасном месте.

– Да Тьма его разберет, – откликнулся Дайко, отряхивая одежду от мелкой пыли.

Рыцарь, чьего имени я не удосужилась узнать, сдернул с головы погнутую железку и сунул в седельную сумку.

О, оказывается, у моего спасителя есть конь! Такой же белобрысый и длинногровый, как и хозяин. Блин, это же целый принц на белом коне, а я в него тяжелой флягой!

– Такое часто случается после нашествия демонов. Проседают пустоты и ходы, которые они прокопали. Второй по величине город Алой Зари Версифил тоже трясло–трясло, думали выстоит, ан нет, недавно все–таки рухнул. Теперь одни башни торчат из воды. Она хлынул уже после, когда река русло поменяла, – «принц», несмотря на металлические пластины на плечах и груди и болтающийся у бедра меч, легко запрыгнул на коня. Натянув кожаные перчатки, подал руку мне. Что? Хочет, чтобы я лезла туда же? С какой стати?

– Жуть, – поддакнул Дайко. – Я был в Версифиле. Смотрелся поглазеть.

Не дождавшись, когда я подам руку, меня просто выдержали и взгромоздили впереди себя.

– Мне неудобно, – я поерзала.

– Хочешь в очередь вернуться? – дыхание рыцаря, пошевелившее завиток волос у уха, заставило передернуть плечами. Пришлось посмотреть, чем меня пугают: пешего народа скопилось столько, что пришлось бы простоять до вечера.

– Здесь каждый день такое столпотворение?

– Нет, ищут ведьмака. Староста Сосенок постарался, раструбил на всю округу. Надо же на кого-то сгоревший лес списать.

Я крепче прижалась к груди эльфа и позволила себя обнять.

Скептически осмотрела другую очередь – из телег и всадников, жаждущих въехать в город через широкие ворота. У них творилось нечто странное: знакомую пасечницу заставили снять башмаки. Она ворчала так громко, что ее голос доносился и сюда.

– Что они делают?

– Примеряют оставленную ведьмаком обувь, – эльф тряхнул головой. Поднявшийся ветер перепутал наши волосы. – Порядок есть порядок: сказано всем, у кого нога как у медведя, мерить, вот и выполняют.

– Уф, а я уж думала, ищут Золушку. Чуть не расстроилась, что не поучаствовала в отборе, – я конечно же узнала «свои» кроссовки.

– Кто такая Золушка?

– Еще худшая замарашка, чем я, однако ей подфартило с принцем. Обувка оказалась как раз, – вспомнив, что на мне

ворованные мяли, которые тоже возможно ищут, живо поинтересовалась: – Есть другой вход?

Эльф не ответил, стукнул коня коленями по бокам, и тот, аккуратно маневрируя между собратями и мельтешащими под ногами людьми, направился вдоль городской стены. Дайко бежал рядом. Ну чистый пес.

Хорошо, что другой вход находился недалеко, иначе я отбила бы себе весь зад. Телеги так раздолбали дорогу, что сразу вспомнились наши, родные, российские.

Что порадовало – это царящие у входа в город тишина и чистота. Ни тебе телег, ни людей с мешками за плечами, ни особой грязи под ногами. Ворота открыли, предварительноглянув в узкую щель. Рыцарь сунул стражнику золотую монету.

«Пф–ф–ф, я тоже так могла», – скривила лицо я.

– Благодарю за помощь пострадавшим от пожара, – монета исчезла в щели металлической бочки. – Кто сопровождает достопочтимого муфа Эливентора?

– Невеста и пес, – рука, что придерживала меня, сжалась чуть сильнее.

– Вы что, с ума сошли? Какая я вам невеста? – прошипела я, как только мы миновали ворота. Стоило мне сутки пообщаться с простым народом, как налет благовоспитанности благополучно слетел. Что значат три года элитной школы против пятнадцати лет влияния коммуналки?

– Хочешь, чтобы я всем рассказал, что ты пожаловала к нам из-за Бугра? Тогда точно не увидишь своего настоящего жениха.

– К вам часто попадают из-за Бугра? – я смерила Дайко злым взглядом. Предатель. Все разболтал. А еще называется верный пес. Шавка брехливая.

– Нечасто. Потому вы и интересны нам.

– Кому нам?

– Власти.

О-па! А я, выходит, ему не просто железяку, а форменную фуражку с кокардой набекрень сбила. Стесняется теперь, бедняжка, в порченной ходить.

Я мстительно прищурилась. Не забыла, как рыцарь провел меня с укусом змеи и заставил показать сиськи. Но ничего, мое слово еще впереди. Теперь бы еще выяснить, он из местной полиции, или мной заинтересовалась разведка? Хотя, что с меня взять, кроме сожженного леса и погнутого шлема? Пусть лучше разбираются с теми, кто крадет чужих женихов и тащит их из-за Бугра.

– А вы, выходит, власть? И совсем не боитесь, что ваш маленький обман раскроется?

– Какой обман?

– Что я ваша невеста.

Он закатил глаза. Я специально смотрела.

– Нас видели, – продолжила я, смакуя каждое слово, – а значит, могут рассказать вашему начальству, у которого и

шлем побольше и меч подлиннее, что вы прибыли в город с невестой. Причем, через черный вход, не дав ей примерить ведьмовской башмачок. Как бы не вышло конфуза. Маменька, небось, всполошится: как так, первая встречная поперечная и сразу невеста? Папенька будет грозиться лишением наследства.

– Пусть тебя не беспокоят мои папенька и маменька. Я раз сорок в году заезжаю в город с невестами, – его улыбка сделалась еще ехидней. – Не могу же я прилюдно обозвать тебя шлюхой?

Я пихнула рыцаря локтем, но лишь дернулась от боли, забыв, что его торс защищен металлическими пластинами. Попутно отметила, что эльф перешел на «ты».

– Гы–гы–гы! – развеселился Дайко.

Ничего, милый, еще поплатишься.

– Куда мы едем?

– Ко мне, – эльф, устав отворачиваться от моих волос, что при каждом порыве бросал в его лицо ветер, скрутил их в жгут и, нисколько не заботясь, что делает больно, сунул мне же за шиворот. – Переоденешься в подобающую одежду.

– А как у вас одеваются шлюхи?

– У нас шлюхи раздеваются. Ты с этим отлично справляешься. Лично убедился.

Лицо опалило жаром. Как же лихо я стянула платье и лифчик, думая, что меня укусила змея! Не прощу себе такой промашки.

Над ухом фыркнули.

Дайко трусил рядом, и лишь мокрые кончики его волос выдавали, что нейверу приходится непросто. Я не жалела его. Пес есть пес. Если бы не золотой браслет, лежала бы сейчас у ручья мертвая. Поэтому никакой снисходительности.

Город, точно позабытая детьми старуха, выглядел грязным и неухоженным. Старые обшарпанные здания, знавшие когда-то величие, а теперь глядящие на сутолоку подслеповатыми окнами. Колонны – как костыли, лишь подпирали, но не держали. Дома для людей попроще – низкие, максимум в два этажа, вросшие чуть ли не по подоконники землю. Или это дощатый настил, накладываемый на прежний, сгнивший слой, поднял уровень тротуаров так высоко? По нему люди и эльфы ходили с осторожностью – не дай бог сорваться, тогда по щиколотку окажешься в нечистотах. Запах царил соответствующий.

Немногим лучше выглядела центральная площадь, где над всеми зданиями стражем высилась ратуша. Вместо ожидаемой каменной брусчатки, смесь из опилок, хляби и конского навоза.

– Этому городу тоже не помешало бы искупаться в реке, – напомнила я многострадальный Версифил. Рядом река, почему бы и нет? Тем более, что совсем недавно тряхануло.

– За провокационные речи можешь оказаться в тюремном подвале. Начальство в большом шлеме и с длинным мечом

быстро определит.

– Нет уж, лучше шлюхой побуду.

– Я запомнил.

Я тоже. Демоны рыли катакомбы давно, а эльфы так и не придумали, как обезопасить свои города. Тайные проходы сетью опутали земли Трех королевств. Того и жди, что подземные опоры не выдержат, и, устало подломившись, обрушат какой-нибудь дом, а то и весь город. Еще неизвестно кто в подземелье промышляет. Не зря же время от времени на Бобровой плотине появляются бутылки с мольбой о помощи.

Вторая часть города, отделенная от первой шлагбаумом и будкой с часовым, порадовала резкими изменениями. Сады, лужайки, счастливые лица детей. Любопытные взоры взрослых, направленные на меня. Мой эльф со всеми раскланивался и делал вид, что ничего странного не происходит: впереди него не сидит лохматая девица, а рядом с ногой не бежит верным псом нейвер.

Неужели у них так принято, не стесняться и не скрывать свои низменные потребности? Ну везет к себе лорд очередную шлюху, ну капает слюной от счастья Дайко – брехучая шавка, которую пустили в элитный район. Вон, как лыбится во весь рот. Когда еще побывал бы в стане богатых эльфов?

Красавица эльфийка, еще более прелестная в своей юности и летящем наряде персикового цвета, завидев нашу троицу, вовсе не смутилась, а оставив подруг, проводивших ее

завистливым взором, подбежала к ограде и звонким голосом поприветствовала:

– Муф ЭлиVENTор! Как я рада вас видеть!

Рыцарь не остановил лошадь, только заставил ее сбавить шаг. А юная эльфийка так и шла вдоль ограды, пальцами, как по струнам, водя по узорчатой решетке.

– И я вас рад видеть, прекрасная миффи Дарлина. Вам идет эта роза в волосах.

Девушка смущенно потрогала цветок и, наконец, решилась спросить. Не зря же кусала губы.

– А вы сегодня придете к нам? Родители устраивают музыкальный вечер, будут танцы. Или у вас дела? – она перевела взгляд на меня.

– Дела подождут, – спокойно ответил эльф и ослабил хватку на моей талии.

Девушка просияла, а я облегченно выдохнула. Дела обязательно подождут. Иди, прекрасный эльф, на все четыре стороны, дай делам выпаться, наестся и обдумать свое положение. Пока ты будешь отплясывать с юной девой, я поищу источник информации. Должен же найтись хоть один словоохотливый или обиженный слуга. От самих эльфов фиг чего добьешься. Гордецы с эльфийским холмом на ушах.

Дом ЭлиVENTора оказался ухоженным особняком. Таких больших на широкой улице разместилось с дюжину. Ворота открыли слуги в ливреях, у лестницы, ведущей в здание, выстроилось десятка три слуг. А ничего у них здесь масштаб!

Мы еще только сгружались (для меня споро принесли скамеечку, чтобы я изящно соскользнула на нее, а не шмякнулась на землю как лягушка), а на крыльцо уже выкатили кресло со старушкой, которая проявила бурную радость и в нетерпении помахала рыцарю платочком.

– Эли, мальчик мой! – черный чепец делал ее лицо еще более безжизненным, лишенным красок. Водянистые глаза, тонкий нос, разлет светлых бровей. Внук совсем не был на нее похож.

– Эли? – произнесла я, стараясь не лыбиться во весь рот. Эльф недовольно цыкнул и возвел очи к небу.

– Бабушка? Вы когда приехали? – он легко избежал по лестнице и, встав на одно колено, с чувством поцеловал старушке обе руки.

– Еще вчера. А ты где пропадал?

– Лес горел у Сосенок.

– А это, как я понимаю, тот самый источник огня? – старушка прозорливо дернула подбородком в мою сторону. – Иначе ты не привел бы незнакомую девушку в дом.

– Вы как всегда правы, бабушка.

Я замерла, чувствуя, как на мне скрестились взгляды. Дай-ко уже увели, коня тоже. И скамеечка исчезла, иначе я села бы на нее и сложила на колени руки, которые сейчас не знала, куда деть. Стоя в кольце слуг, я ощущала себя выставленным на продажу экспонатом.

Помня о своем желании собрать информацию, улыбну-

лась как можно приветливее. Не хотела, чтобы улыбка выглядела жалкой, поэтому подняла подбородок. Но и здесь проявила меру, чтобы не казаться нахалкой. Все, как учили в школе.

– Деточка, поднимись сюда, – старуха поманила меня. На лице рыцаря не дрогнул ни один мускул. Холодная отрешенность. Пойди догадайся, что сейчас будет.

Я наклонилась за сумкой, но ее ловко увел кто-то из слуг. Видно, получил сигнал, что старуха ко мне благосклонна, а поэтому и меня можно внести в список тех, за кем ухаживают. Спасибо и на этом.

– Здравствуйте, бабушка, – на колени перед ней опускаться не кинулась. И ручки целовать тоже. Не родня, но и не холопка, чтобы в ноги бросаться.

Думала, что услышу в ответ: «Какая я тебе бабушка?», но леди лишь улыбнулась.

– Что ты с ней сделал? – она послала внуку укоризненный взгляд. Тот лишь дернул плечом.

Я вытаращила глаза: а что он со мной сделал?

– Наклонись, – старушка дернула меня за рукав, и мне пришлось податься вперед. Ее сухонькие руки быстро простали мои волосы из-за шивороты. – Вот так лучше.

Я заулыбалась. Негодник ветер тут же принялся теребить и без того спутанные пряди.

– Покажи свои уши.

Эх, недолго длилась симпатия. Сейчас как увидит мои

плоские уши, сразу отправит следом за Дайко.

Я опять наклонилась, убрала волосы, чтобы уж точно старушка не ошиблась – нет у меня эльфийского холма. Я уро-дина.

– В роду не было эльфов? – мое ухо ощупывали как на приеме у доктора.

– Нет. Я человек, – в моих устах это звучало гордо. Не буду себя записывать во второй сорт. Я первый. Родители подка-чали, поэтому проявлю скромность, не скажу, что высший.

– Вот и славно, – получила неожиданный ответ. – Мой Эли тоже не эльф. Не люблю эльфов за излишнюю заносчивость.

Я вытаращила глаза.

Эли тряхнул длинными волосами. И с чего я решила, что он эльф? Потому что светловолосый? Но та девушка, что шла вдоль забора и уговаривала прийти на вечеринку, точно была эльфийкой. Я разглядела. Значит, врал Дайко, ко-гда говорил, что для эльфов мы, плоскоухие, уроды? Сам он урод. Пес брехливый. Сколько всего наплел, разбирайся те-перь, где правда, а где нет.

– Хотя я сама из эльфов, – продолжала меж тем старушка, чей кружевной чепчик не позволял разглядеть эльфийские холмы. – Интересно, да, почему я из рода гордецов, а мой внук нет?

– Ну... – промычала я, – теряюсь в догадках. Он, навер-ное, бастард? Хотя...

– Он найденыш. Мой сын наткнулся на него в Демоновой

пади и вырастил, как собственного сына, – старушка махнула рукой, и слуга развернул кресло, чтобы увезти в дом.

Я оторопело посмотрела на Эливентора. Тот делал вид, что бабушка не раскрывала рта. Вежливое присутствие.

– И мы до сих пор гадаем, какого он роду племени, – бросила бабушка через плечо.

У меня разыгралась фантазия. Я словно видела индийское кино, где мне полагается броситься на шею Эли и заорать, что нашелся мой потерянный брат. Ведь говорила же баб Нюра, что был такой, но беспутные родители определили его к каким-то другим родственникам. Она двоих не потянула бы. Шутка шуткой, но вдруг Эливентор тоже из-за Бугра? Поэтому и проявил сострадание, не сдал как поджигательницу.

– Не надумай себе демон знает что, – бросил рыцарь, чуть отстав от кресла со старушкой. – Бабушка со всеми приветлива.

– Со всеми сорока шлюхами в году?

– Да.

– Деточка, – старушка наклонилась так, чтобы спинка кресла не мешала, – ступай за мной. Я сама выберу тебе покой.

– Только не моей матери, – грозно предупредил внук, но бабушка неожиданно показала ему средний палец. У меня в который раз вытянулось лицо. Вот это да!

Вскоре выяснилась и причина неприличного жеста. На

среднем пальце старушки находилось кольцо, которое магическим способом открыло дверь в покои. У моего «эльфа» ходили на лице желваки, но бабушка была неумолима.

– Она та самая. Я думаю, ты сам это сразу понял.

– Какая «та самая»? – встряла я.

– Которую я могу впустить в покои, куда после смерти моей снохи никто не заходил.

Я чуть не спросила «Чтобы убраться?». Представляю, сколько там накопилось пыли, независимо от того, когда почил матушка моего рыцаря. Хорошо, что промолчала.

– Она недвусмысленно выразилась, что я с первого взгляда узнаю невесту Эливентора. Я узнала.

– Подождите–подождите, – я вцепилась в спинку кресла. Будто боялась, что старушку увезут и последнее слово останется за ней. – У меня уже есть жених, и я его сильно люблю. Федора похитили драконы, но я поклялась, что найду его. Кстати, здесь драконы не пролетали?

Бабушка выразительно вздохнула и посмотрела на внука.

– И ты уступишь ее драконам?

– Я помогу ей найти жениха. Настоящего жениха. А не того, кого вы с моей матушкой приготовили для нашей гостии.

– Глупец, – бабушка обиженно поджала губы.

– Я...

– Ступай Эли, развлекайся с Дарлиной, – старуха повелительно махнула рукой. После такого жеста и я стушевалась бы. Чувствовалась в ней сила, способная заткнуть любого. –

Она уже раз пять присылала слугу справиться, не появился ли ты.

– Я не подведу ее ожиданий, бабушка, – он вежливо поклонился и отступил за мою спину. Я неожиданно почувствовала его руку на своем плече. Дыхание «эльфа» обожгло шею. – Только попробуй называть меня Эли. Убью, – шепот Эливентора вызвал озноб.

Эльфийка дождалась, когда откроются обе створки двери. Я замешкалась у порога, но грозный глас «Я жду!» заставил шагнуть в чужую комнату.

Эливентор резко развернулся и скрылся в покоях напротив.

Отчего я чувствую себя виноватой?

Глава 7. Муфы, миффи, псы и шлюхи

– Позови Бизи и Гонзу, – бабушка Эливентора отослала слугу, стоявшего за спинкой кресла. – Здесь я без помощника справлюсь, – это уже предназначалось мне. – Ну, рассказывай.

– Госпожа... – как специально, никто из слуг не называл ее по имени.

– Называй меня миффи Дельфия, – подсказала старушка. Сейчас, когда она стащила с головы чепец, я увидела, что Дельфия действительно принадлежит к эльфийскому народу. Характерная форма ушей, белые, словно лунный свет, волосы заплетены в две косы. Освободившись от оков кружева, косы свободно упали на грудь. – Ненавижу черный, но как вдова вынуждена его носить до конца своих дней.

– Примите соболезнования...

– Не жалей. Мой муж был холодным и жестоким гордецом. Рядом с ним нам с сыном было неудобно. Счастье, что мой мальчик нравом пошел в мою родню. Он и Эли воспитал в традициях рода Генейдель.

– Эливентор тоже собирает найденышей?

– Да, ты не первая. Как-то ему выпало наткнуться на целую семью. Четверо братьев и сестер прятались в подвале

разоренного дома. Старшему семь, младшему и месяца нет. Представляешь?

Я представила. ЭлиVENTор устраивает троих малышей на лошади, а сам идет рядом и держит орущего младенца на руках.

– А куда делись их родители?

– Кто знает? Дети объяснить не смогли. Их закрыли и сказали сидеть тихо.

– А Эли о себе что–нибудь помнит?

– Нет, тут как отрезало, хотя его нашли большееньким. По человеческим меркам годов десять уже было.

Меня передернуло. Как я отважилась в одиночку идти по королевству, где люди целыми семьями пропадают?

В комнату вошли служанки.

– Искupать, одеть, накормить.

Я перевела взгляд на шкаф, который по–деловому открыла служанка.

– Не думай, тебя не облачат в одежду моей усопшей снохи. Здесь висит только то, что еще ни разу не надевали. Невеста моего Эли достойна только самого лучшего.

– Это все лишнее, – я устала убеждать, что у меня есть жених. – Я сама могу позаботиться о себе. За желание помочь спасибо. Я пойду, – я поискала глазами свою сумку. Она лежала у порога. Как что–то чужеродное в красивой обстановке, где не было и пылинки и всюду стояли свежие цветы. Пахло приятно, но меня душил этот густой цветочный

аромат. Мне самой здесь не место.

– Как только ты переступишь порог, мой внук вынужден будет пойти следом, – голос миффи сделался жестким. – Он поклялся, что поможет тебе, и он сделает. Даже если смертельно устал. Считай, что сейчас я забочусь не о тебе, а о нем.

Я только открывала и закрывала рот. Возразить было трудно. Я и сама чувствовала себя плохо. Уже более суток, как я попала в чужой мир, едва не погибла от яда змеи, спала на земле. Не объяснялось ли мое желание бежать от помощи упрямством и ложной скромностью? Или меня гнала вперед любовь и тревога за Федора? Но справлюсь ли я одна? Рука от Эливентора, представителя власти и сильных мира сего – как чудо, на которое трудно было бы рассчитывать любой беззащитной попаданке.

***

Я полюбила Федора не сразу. Да, нравился, я даже считала себя счастливой. Какая девушка не гордилась бы собой, будь у нее такой поклонник. Чуткий, тактичный, не старающийся взять нахрапом. Я с самого начала принадлежала ему, так ведь? Но он был осторожен со мной, не напоминал, что я со всеми потрохами давно оплачена и должна плясать под его дудку. Ох хотел истинных чувств и своими поступками старался вызвать их.

– Хорошо. Я понимаю, что у меня нет выхода. Твой отец выбрал меня и посчитал годной для собственного сына. Но скажи, зачем я тебе? Разве вокруг нет тысячи девушек, с

радостью надевших бы на голову фату, чтобы стать миссис Звездная?

– Они все видят только деньги. Им и их алчным родственникам нужен я лишь как придаток к банковскому счету.

– Ты урод? Нет. Тебе впору на обложки журналов. Может быть, импотент? Но я вижу, как твое тело реагирует на близость ко мне.

– Ты подходишь мне. И реакция тела только доказывает это.

– Ну а вдруг и я хочу только деньги? Ты не застрахован от моей меркантильности. Давай начистоту. Почему я? И почему ты согласен с решением отца?

– Хорошо, я расскажу, – Федор отставил бокал, который крутил в руках, наслаждаясь цветом вина. Мы сидели в том доме, который еще не был нашим. Как пункт передержки, где моему жениху предстояло укротить строптивую девицу. Квартира тоже была выбрана отцом. Снятая на время, обезличенная. На мой взгляд, я быстрее бы узнала и полюбила Федора, если бы находилась в доме, где Федя вырос, где хранились вещи, которыми он дорожил с детства, альбомы с фотографиями родителей и бабушек с дедушками, кучей двоюродных братьев и сестер, школьных друзей.

– Я слушаю.

– Я сам выбрал тебя. Мне первому показали всех троих. Да, отец позаботился и отобрал девочек по моему вкусу.

– Но мы такие разные...

– В первом классе я влюбился в рыжую толстушку. Она была веселой и всегда носила в рюкзаке коробочку с леденцами. Мы грызли их, а солнце путалось в ее рыжих кудрях. Я был счастлив. И долго горевал, когда она уехала жить в деревню. После развода родителей она осталась с матерью.

Федор довольно точно описал Пуха. Та тоже жила в деревне.

– Я, помня о своей рыжухе, мог бы выбрать Анастасию Обухову. Но она уже не была толстушкой. То, во что ее превратил ваш Сим Симыч, не вызывало желания.

– Почему не Елена Корз? Она выросла в богатой семье, считала себя белой костью, и как никто из нас подошла бы в жены сыну олигарха.

– Моя «Елена Корз» была мягкой. Я влюбился в темно-волосую девчонку, больше похожую на спичку, подростком. Она таскала меня по приютам для животных. Именно там я понял, что такое душевная щедрость. Никакими деньгами такую не купишь. А у вашей Косточки, – я вскинула глаза, понимая, что Федя на самом деле знает о нас много, – душевного тепла не выпросишь. Жесткая, капризная, злая.

– И осталась только я. Как-то плохо твой отец подбирал невест. У меня тоже был прототип?

– Нет. Я никогда не увлекался блондинками. Ты не сразу вызвала у меня интерес. Скорее из любопытства я наблюдал за тобой сутками...

– В школе стояли камеры? – я аж подскочила. – Но это...

это неприлично!

– А прилично посылать Пуха в магазин за вином и сигаретами?

– Мы хотели попробовать, а она единственная из нас выглядела старше. Ну, пока не похудела...

– Ну–ну.

Я закрыла глаза, боясь даже спросить, что еще он видел. Да, мы как–то целовались с Пухом – на это нас тоже толкнула жажда знаний. Ну, не со сторожем же пробовать, что ты чувствуешь, когда твои губы накрывают чужие? А еще мы, напившись в первый и последний раз, танцевали голыми. Даже Кость присоединилась к нам. У нее совсем не было груди. Два торчащих соска темного цвета. Зато наша рыжуха уже тогда отличалась богатыми телесами.

– Так вот почему наши шалости никогда не проходили бесследно? И кто смотрел те камеры? Твой отец? Директриса?

– Нет. В школе не знали о видеонаблюдении. Только я и служба охраны.

Я закрыла лицо руками.

– Ту ночь я стер. Ее никто не видел, – Федор положил ладонь на мое колено. – Но именно она помогла мне определиться с выбором.

– Но нам было всего шестнадцать.

– Я два года только убеждался в своем мнении. Ты создана для меня, а я для тебя.

– Цветы в моей комнате от тебя?

– Да.

– А я думала, Пух попросила садовника. Они дружили. Косточка злилась, – последнюю фразу я произнесла на гелейском. Решила проверить, на самом ли деле мертвый язык – тайный язык общения сильных мира сего.

Федор улыбнулся.

– Одежду я тоже сам выбирал для тебя. И нижнее белье.

Я убедилась, что нам не врали. Федор легко перешел на гелейский.

– Я полюбил тебя и не мог дожидаться, когда тебе исполнится восемнадцать. Да, мы оговаривали с отцом, что заберу тебя в двадцать один, но...

– А куда делась Настя? И на самом ли деле Косточку забрали родственники?

– У них все хорошо. Они устроены и счастливы. Тебе не надо переживать.

– Я могу встретиться с ними? Или хотя бы позвонить.

– Когда-нибудь.

А вскоре я заболела. До сих пор не знаю, что за боль терзала мое тело, но Федор выходил меня. Сам купал, менял белье после ночи в потном бреду, поил и кормил. Море заботы. Море человеческого сострадания и тепла. Тогда мое сердце дрогнуло. Тогда он стал для меня единственным, кому я безоговорочно доверяла. Я полюбила.

Мои первые поцелуи и совсем не невинные ласки. Я хо-

тела большего, но Федор оставался неумолим.

– Мы все успеем. Не торопись.

***

Я кивнула на долгий взгляд бабушки Эливентора.

– Простите, я думала только о себе. Да, действительно, вашему внуку нужно отдохнуть.

Больше миффи Дельфия мне не докучала.

Не докучала – одно из выражений, которому нас научили в школе. Я бы выразилась проще – не доставала. Ужинала я, свежая после купален, переодетая по местной моде в летящие ткани, с невероятно красиво заплетенными косами, в полном одиночестве. Хотя днем я перекусывала в «своих» покоях, ужин накрыли в общей зале с огромным столом, где мое кресло терялось среди пары десятков пустых. Ожидала увидеть хотя бы миффи Дельфию, но за нее извинились. Старость не радость – разболелась спина. Нисколько не удивилась, не обнаружив Эливентора. Он, наверное, уже всю танцует со своей воздыхательницей.

– Скажите, миффи не сочтет за плохой тон, если я пройду по улице? Я хотела бы полюбоваться здешней архитектурой.

Бизи – более расторопная служанка, тут же выбежала за дверь. Гонза и слуга, что подавал блюда, остались стоять за моей спиной каменными истуканами.

– Миффи Дельфия спросила, не требуется ли вам сопровождение? Если да, то я пойду с вами, – Бизи вернулась

быстро.

– У вас беспокойный район?

– О, нет! Улицу тщательно охраняют. Но вот кто вам расскажет о наших знаменитых соседях?

– Спасибо, Бизи. О соседях мы поговорим позже. Сейчас я хотела бы остаться наедине со своими мыслями, – мне на самом деле требовалось о многом подумать. И прежде всего о своем отношении к муфу Эливентору. Отправиться в долгий путь в сопровождении двух мужчин, а я была уверена, что верный пес Дайко тоже составит нам компанию – безусловно лучше, чем блуждать по незнакомому королевству совсем одной. Но что движет «эльфом»? На самом ли деле он защитник всех найденышей, или его служба заставляет наблюдать за теми, кто незаконно пересек Бугор? Я больше чем уверена, что власти уже нашли машину, застрявшую в тоннеле.

Скорее всего, он не верит, что я здесь только из-за Федора. Разве разумная девица кинется в одиночку искать в тридевятом царстве жениха? Как я собиралась противостоять двум драконам? Милая улыбка здесь не поможет. А каким еще оружием я владею?

Боже! Я рассуждаю, как истинная блондинка, записавшая свою улыбку в оружие. Да, я сразила Федора, но поможет ли смазливая мордаха в противостоянии с врагом?

Я, задумавшись, не замечала ни архитектурные навороты на богатых домах, ни красоту цветников, особенно сильно

благоухающих в ночное время. Я вообще не знала, в какую сторону иду. Пока не услышала знакомые голоса: ее, звонкий, точно лесной ручей, и его мягкий, но заставляющий задержать дыхание. Поистине музыка двоих.

– Мне все нравится в вас. Ваши глаза, ваши чудесные волосы...

Я спряталась в тени куста, что не помешало мне увидеть, как с другой стороны ограды девичья рука отделяет чужую прядь и начинает наматывать ее на изящный пальчик.

ЭлиVENTор мягко, но настойчиво потянул прядь назад.

– Я бы с радостью обрезал их.

– Но эльфам не положено. Вы не должны низводить себя до...

– Дарлина, я не эльф...

– Мои родители не будут против...

– Еще бы! – я едва не закричала от страха, поскольку в прекрасный дуэт вмешался кто-то третий. Ему и принадлежала последняя фраза.

Дайко! Я узнала его по луковому запаху.

– Ты что здесь делаешь, змееныш? – зашипела я, пальцем прочищая ухо, куда только что он шептал.

– Подглядываем? – вместо ответа поинтересовался Дайко.

Я еще сильнее зашипела. Оправдываться перед предателем? Да пусть думает, что хочет. Дернув плечом, пошла назад, к дому ЭлиVENTора. Пес понуро плелся следом.

Через некоторое время я смиловилась.

– А почему родители Дарлины не будут против? – должна же я время провести с толком? С паршивой овцы хоть шерсти клок. – Мы же для эльфов уродцы?

Как раз поймаю Дайко на вранье.

– Мы и есть уродцы, а приемный сын короля лакомый кусочек для любого вельможи. Какие бы ни были у него уши.

– Приемный сын короля? Тогда выходит...

– Миффи Дельфия – королева–мать.

– Черт! – я потеряла лоб, вспоминая, что и как говорила. Не казнили бы ненароком.

– А еще муф Эливантор глава эльфийской разведки. Правда, я выяснил это после того, как все выболтал.

Я смерила пса презрительным взглядом.

– А нечего было оставлять меня в невменяемом состоянии. После укуса вирху я собой не владел, – он повернул голову, и в свете луны я разглядела неприятный шрам, покрытый чем-то слизким. – Эльфийская мазь. Завтра уже все заживет.

– Надо было тебя добить.

– Угу. Кто бы тогда рассказал муфу Эливантору, что произошло на самом деле? Давно бы болталась рядом со ступой с петлей на шее. Сама видела, как чтят ведьм и ведьмаков в деревне.

– А за что их так?

– Пособники демонов. Так что я, можно сказать, спас тебя. Теперь самому главе эльфийской разведки интересно, ку-

да тебя занесет.

– Я и не скрываю: меня занесет к драконам. Там мой Федя.

– Слава пескам. Я уж думал, ты возомнила себе, что Эли-вентор тобой увлекся. Видел, как ты строила ему глазки.

– Я?! Да никогда!

– Вот и запомни. Ему интересна не ты, а твой Федя. С какой такой надобности похитили драконы? Что затевают? Перемирие перемирием, но лучше держать нос по ветру.

– Дайко, признайся, куда ты меня вел? Почему не в Демонову падь как остальных людей, попавшихся к тебе в лапы?

Пес цыкнул, не желая отвечать.

– Дело прошлое. Не убью, – я старалась говорить мягко, чтобы не спугнуть. Верных псов берегут. Они всегда приходят на помощь. Но знать, что до случая со змейкой затевал, не помешает.

– Продать тебя хотел. Не здесь, в песках. Там светловолосые и рыжие ценятся. А если девственница, так вообще две цены дали бы.

– Откуда знаешь, что я девственница?

– По запаху, – Дайко отвернулся. Не поймешь, то ли на самом деле чует, то ли смеется надо мной.

– Кстати, пес, фотография Федора у тебя? Я не нашла ее в сумке.

– Кстати, шлюшка, мой нож у тебя? Я не нашел его в своей руке.

– Меняемся? – я потом ему припомню шлюху. Сейчас

главное вернуть свое.

– Идет.

Глава 8. Сплетницы и сплетники

Муф Эливентор вернулся глубокой ночью. Меня разбудил звук отворяемой в его покои двери.

Интересно, девчонка дождала его и раскрутила на поцелуй? Или он так и стоял каменным изваянием и бубнил: «Я не эльф. Вот бы отстричь волосы. И вообще я сильно занят Шилом, которое попало к нам из-за Бугра».

***

Смешно, но меня здесь называют миффи Шило, правда, ударение делают на букву О. Мило. Очень по-французски.

– Миффи Шило, вы видели газон со статуями в виде ангелочков? Там живет фаворитка советника короля, – я застала обеих служанок на кухне, куда меня привел Дайко. Сам он примостился в углу возле догорающего очага и закрыл глаза. Пустынник, ему в этой части мира было холодно, вот и жался к огню. – У нее уже двое детей от него. Он специально держит любовницу подальше от королевского двора. И проходит в дом через черное крыльцо. Ага. А мы все вокруг дураки.

Если слуги с такой страстью выкладывают тайны всем желающим погреть уши, то не удивлюсь, если жена советника давно в курсе. Она либо смирилась, либо варит яд и ждет удобного случая. Я, если бы на моего Федора польстились, обязательно разделалась бы с разлучницей. Несмотря на ни-

щее детство (а может, и благодаря ему), я страшная собственница.

Как и обещала Бизи, она выкладывала сплетни со скоростью автомата, но называемые имена мне ни о чем не говорили, поэтому я осторожно направила поток ее слов в нужную сторону.

– Почему к королеве–матери обращаются, как миффи, а не Ее Величество? Миффи – это же просто госпожа?

– Все началось с муфа Эливентора. Он запретил вне стен королевского дворца называть его как–то иначе, а уж когда переехал сюда, в родовое имение его приемной матери, то и миффи Дельфия последовала его примеру. Она говорит, здесь легче дышится без всяких этих Вашеств. И потом, сюда никогда не сунет нос молодая жена короля.

– Как–то вы не особо вежливо о ней отзываетесь.

– Так подлюка и есть! – щеки Бизи загорелись праведным гневом. – С детства считалась невестой нашего господина, а как король овдовел, быстро перекинулась на него.

– Бизи, тебе когда–нибудь отрубят голову за длинный язык, – медлительная Гонза и говорила не спеша. – Помяни мое слово.

– Ну тебя, здесь все свои, – отмахнулась Бизи, но на всякий случай пересела поближе ко мне и заговорила шепотом. Дайко недовольно заворочался. Я прям видела, как его песьи уши встали торчком. Подслушивает, подлец!

– Поговаривают, что она и до смерти королевы частенько

пробиралась в кабинет короля. Ага–ага, книжки вместе читали, – Бизи кренделем сложила руки на груди. – Но отчего тогда Эливентор, однажды зайдя без стука, выскочил оттуда, как ошпаренный? Не потому ли сейчас его держат подальше от дворца и поближе к границе?

Надо бы посоветовать муфу Эливентору разогнать всю свою разведслужбу и набрать туда таких как Бизи. Или зашить ей рот. Но я уверена, она и жестами перескажет все до мельчайших подробностей.

– А я слышала, что нашего господина перевели сюда из–за ожидаемого прорыва демонов, – я устала слушать, когда Гонза закончит эту фразу. Хотелось стукнуть ее, чтобы говорила быстрее. – Говорят, они хотят вернуться назад.

– Наш муф сам ушел. Кому охота видеть, как бывшая невеста милуется с отцом?

– Эливентор единственный ребенок?

– Да что вы! – Бизи расплела крендель и махнула рукой. – У него три старшие сестры и младший брат. От этой самой змеи. Преподнесла супругу долгожданного наследничка. Сам–то муф никогда не смог бы занять престол. Законом оговорено, что королевством Алой Зари могут управлять только эльфы.

– А вы как думаете, Эливентор – человек?

– Точно не человек. Людям магия не доступна.

– Но и не нейвер, – Гонза кивнула на Дайко. – Они все узкоглазые.

– И не дракон. У тех как только начинает ломаться голос, сразу чешуя прет. То здесь, то там. Они, бедняги, ни с голосом совладать не могут, ни с чешуей. Я видела однажды дракончика. Чуть со страху не померла. Раз, и зрачки сделались узкими точно наша скалка. А потом по лицу змеиный рисунок пополз. На мальчика мать сразу капюшон накинула, чтобы народ не пугал.

– Так кто же он, ваш муф?

– Если уж самой королеве–матери неведомо, то нам и по-давно.

Итак, кто у меня в попутчиках: белобрысый маг неизвестной породы и мальчишка–нейвер, способный в любой момент перерезать глотку. Свою родную змею не пожалел, что уж говорить обо мне? Может, на самом деле, одной путешествовать было бы спокойнее?

– Если уж речь зашла о драконах, то у меня к вам несколько вопросов, – я понизила голос и служанки живо заняли места по обе стороны от меня. Склонили головы так, чтобы не пропустить ни звука.

– Спрашивайте, – выдохнула Бизи.

– Здесь драконы не пролетали?

Мой вопрос их ошарашил.

– Дык, они часто летают. Помнится дней десять назад клином летели в сторону моря...

– Нет, совсем недавно, – я перевела взгляд на Гонзу.

Та неуверенно покачала головой.

– Ой, кажись, я видела, – Бизи, вспоминая, возвела очи к потолку. – Только не здесь, а на ярмарке – она возле главных врат. Я как раз приготовилась яблочек для пирога купить, а тут тени по булыжной мостовой. Одна, вторая, третья... Я аж вскрикнула. Подняла голову вверх, а там драконы.

Сердце сжалось, но я постаралась взять себя в руки.

– А человека среди них не было? – спросила и сама себя упрекнула в глупом вопросе. Ну не потащат же они Федю в лапах через все королевство?

– Нет, не заметила. Я на лавочника отвлеклась. Он, подлец, пока я на драконов пялилась, гнилых яблок в корзину насовал.

– Она потом эту корзину ему на голову надела, – Гонза, хихикая, прикрыла рот ладонью.

– Вопрос второй: драконы едят людей? – я старалась сохранить серьезность.

– Ух, и скажете же, миффи. Вы бы еще спросили, едят ли эльфы людей.

– Так, вопрос снимается, – на душе полегчало. – Если драконы похитили человека, как вы думаете, куда они его денут?

– Смотря для какой цели украли, – Дайко потянулся и, почесывая бока, выполз из своего теплого угла. Сел за стол напротив нас. Надоело, видать, прислушиваться. – Если враг, то далеко не понесли бы. Там у Бугра и шмякнули бы о землю. Понятно же, что он им нужен, и очень нужен, иначе зачем огород городить? Один портал по магическим затратам

чего только стоил. Железная телега – тоже, небось, не в один фляк обошлась.

– Они могли просто ее угнать.

– О, у вас тоже телеги угоняют? – оживилась Бизи.

– Случается.

Вывод вечерних посиделок: задерживаться в королевстве Алой Зари не стоит. Федю драконы унесли к себе. Вполне возможно, что его украли ради выкупа. Но, как я поняла, драконы далеко не бедные, поэтому, скорее всего, Федор или что-то знает, или сам представляет из себя ценность. Убивать им его не с руки, а значит, есть надежда, что я найду жениха живым.

Тут я сама от себя не ожидала – громко всхлипнула и, стыдясь хлынувших слез, закрыла лицо руками.

Меня жалели. Поили ягодным отваром, умывали холодной водой. Причитали и уговаривали не расстраиваться. Найду я своего жениха. Непременно найду, раз меня взяли – провожать сам муф ЭлиVENTор. А он такой. Раз надумал, расшибется, но сделает.

***

Итак, я проснулась от того, что хлопнула дверь в комнату ЭлиVENTора. Открыла глаза и уставилась в потолок, на котором плясали тени деревьев. На улице поднялся ветер. Вскоре он нагнал тучи, и первые тяжелые капли гулко шлепались на обитый металлом подоконник. Слушая ускоряющуюся барабанную дробь, я порадовалась, что нахожусь в теп-

ле и безопасности, на кровати, заправленной приятно пахнущими простынями, а не где-нибудь на сеновале над курятником. Все-таки полезные знакомства значительно облегчают жизнь.

Отогнала от себя мысли, что можно было бы и задержать-ся в гостеприимном доме. Просто представила, как завтра придется тащиться по хлябям, в которые непременно после дождя превратятся дороги.

Но как можно жалеть себя, когда любимый в опасности? А вдруг его там мучают? Я тут же представила, как Федю подвесили на дыбу (какое время, такие и инструменты пыток) и выбивают из него шифр банковской ячейки отца, где лежит какой-нибудь старинный артефакт, вынесенный из этого мира.

Сердце сжалось, и я усилием воли нарисовала другую, более приятную сцену: Федор сидит в высокой башне, откуда не сбежать, и мается, что во всем свете нет человека, который бы знал, что его похитили драконы. А значит, помощи не дожидаться. Ему суют под дверь миску с куском черствого хлеба и заплесневелым сыром.

– Твой отец молчит, – плюются слюной в смотровое отверстие. – Пока батя упорствует, будешь сидеть здесь.

Мне гораздо удобнее перевести стрелки на олигарха – он замутил, он пускай и отдувается.

Федор в злобе сжимает зубы и отталкивает от себя миску. Та с грохотом улетает обратно. Стражник страшным го-

лосом смеется, а Федя вновь припадает к решетке на окне и с тоской смотрит вдаль.

Когда—нибудь из этой дали появлюсь я.

Такая картина мне нравилась больше, чем пыточное под-земелье. Что буду делать, когда выясню, где находится Фе-дор, я не представляла, но все во мне кричало: найди и спаси! Я бы побежала прямо сейчас, так силен был позыв ока-заться рядом с женихом, но разум охлаждал пыл. Глупая ги-бель из-за необдуманных решений не нужна ни мне, ни ему.

— А вдруг на самом деле его отец раздобыл магический артефакт и прячет его у себя? Но зачем он ему? В нашем ми-ре нет магии, а, значит, артефакт бесполезен, — я опять раз-говаривала сама с собой. — А если он сделан из драгоценных камней и представляет особую ценность именно из-за это-го? Да, наши коллекционеры многое бы отдали, лишь бы за-владеть чем—нибудь необычным, сделанным в одном экзем-пляре. А все проклятые демоны...

Я уже знала, что война разорила Три королевства и мно-гие артефакты были или утеряны, или унесены демонами, бегущими от разгрома в Забугорье. Вспомнив о кровавых войнах и переворотах, произошедших у нас в последнее вре-мя, зародилась шальная догадка: а не их ли рук дело? Не по-лучилось перекроить свой мир, захватчики взялись за наш?

М—да. Так я скоро дойду до мысли, что Союз развалили они же.

Ой, а вдруг отец Федора тоже из демонов? Это многое

объяснило бы. Федор – сын демона, и его крадут драконы, чтобы семейство Звездных вернуло похищенный артефакт.

«Вострикова, успокойся, с такими темпами в демонов можно записать и родителей Косточки. Те тоже сделали капитал в смутные девяностые».

Я тут же представила Ленку Корз: растрепанные черные волосы, глаза горят демоническим огнем, руки тянутся, чтобы схватить меня за горло.

– Ты слишком много знаешь...

Ну чистая ведьма. Ох, а вдруг так и есть? Они же были пособниками демонов!

Я накрылась простыней с головой. Тьфу–тьфу–тьфу! Такие страсти на ночь! Думать о приятном, думать о приятном!

Тут же представились лучистые глаза муфа Элиментора: серо–голубые, холодные, как кристаллики льда. Как чистая горная вода, в которую хочется окунуться жарким летним полднем. Интересно, а почему у него при всей бледности кожи и пепельных, почти седых волосах черные–пречерные брови? Какое–то странное несоответствие. Но ему идет.

У воображаемого муфа Элиментора дернулся уголок губы и медленно пополз вверх.

– О, вот даже как? Думаешь обо мне, а не о своем женихе?

Я думаю о женихе! Думаю! Федя в сто раз красивее. Пусть у него нет длинных волос, которые я могла бы накручивать на пальчик, зато у него мужественное лицо, а глаза... а глаза как омуты, в которых я безнадежно тону. Я люблю его. Всем

сердцем! И вообще, я предпочитаю брюнетов с карими глазами, а не это эльфийское подобие!

И опять услышала грохот отодвигаемой миски, которую мой любимый гордо отпихнул от себя.

Через мгновение грохот повторился снова. Я сняла с лица простыню и села. И тут же дико заорала. Рядом с кроватью колыхалось привидение.

Глава 9. Планы меняются

Первым в помещение ворвался Дайко. Полностью одетый, будто за окном не царила глубокая ночь, а пришло время пить утренний кофе с круассанами. В свете луны в его руках блестело лезвие ножа. Если бы я не была напугана привидением, то сейчас точно орала бы, устранившись от звериного оскала нейвера. Мне даже показалось, что его клыки несколько удлинились.

Следующим испытанием для моих истерзанных нервов было явление муфа Эливентора. Этот, в отличие от пса Дайко, успел нацепить на себя лишь прилипшие к телу и мало что скрывающие подштанники, а потому влажно поблескивал голым торсом и мечом джедая. Своим криком не дала, бедняжке, домыться?

Пораженная видом своих защитников, я даже забыла о привидении. Оно, по всей видимости, испытало не меньший шок и растворилось в воздухе.

Ну и в заключение «незваного вечера» в распахнутые двери въехала миффи Дельфия с огромным подсвечником в руках. Медленно осмотрев первого молодца и второго (тут она скривилась), перевела взгляд на меня. Моя ночная рубашка не сделала бы чести незамужней девице. Чуть великоватая, она сползла с плеча и оголила больше, чем того требовалось.

— Что здесь происходит? — грозным тоном королевы-мате-

ри спросила старушенция. Защитники в едином порыве воззрились на меня трясущуюся. Если кто-то подумал, что я трясусь от страха, то я не стала бы его разубеждать. Поначалу так и было. Но привидение исчезло, и я разумно рассудила, что оно могло мне просто примерещиться, а я устроила конец света.

Есть такие стадии сна, когда трудно отделить явь от сновидения. В детстве я долго верила, что если пробраться в туалет соседней квартиры и заглянуть в вентиляционную шахту, то можно увидеть море. Там за решеткой медленно садилось солнце и окрашивало в розовый цвет не только воду, но и гуляющих по пляжу людей. Только став взрослой, я поняла, что приняла сон за реальность. Вот и сейчас я сама себе не верила, что видела привидение, а потому тряслась уже не от страха, а в попытке удержать смех. Усталость и неоднозначные впечатления от нового мира не самые лучшие помощники в контроле над эмоциями, и я позорно проиграла: расхохоталась. Я запечатала ладонями рот, но смех просто рвался из меня.

– Что? – не менее грозно спросил приемный сын короля, еще не понимая, что вызвало столь бурную психическую реакцию. Вы когда-нибудь видели, как намокшая белая ткань фигурно облепливает тело и мало что под собой скрывает? Матовое стекло в разы показало бы меньше.

– Один-один, – кое-как прервав приступ смеха, произнесла я. – Вы бы хоть меч погасили, милорд, чтобы не все,

кроме меня, наслаждались видом ваших кубиков.

Меч погас, но свечи в руках королевы–матери позволили разглядеть красивые ягодицы удаляющегося муфа ЭлиVENTора.

– Пес, тоже уходи, – скомандовала миффи Дельфия.

Дайко, глухо рыкнув, покинул помещение. Следом по взмаху руки вышел и «водитель кресла».

И вот тут я поняла, что настал час расплаты: бабушка не простит, что я высмеяла ее горячо любимого внука.

– Так ты специально кричала, чтобы он сюда прибежал?

– Нет, – я стушевалась под ее проницательным взглядом. – Приснился страшный сон.

– Рассказывай, что за счеты между вами? – королева–мать вовсе не была слабеющей умом старушкой, а потому выцепила важное.

Я сделала серьезное лицо.

– Он меня обидел, – рассказ о том, как муф ЭлиVENTор заставил раздеться в отместку за погнутый шлем, неожиданно вызвал у бабушки смех.

– Я не оправдываю методы своего внука, – она вытирала слезы, – но понимаю, почему Эли так себя повел.

– Что еще, кроме как желания посмеяться надо мной? – я надула губы.

– Он профессионал, деточка. Застав незнакомку, неизвестно с какой целью проникшую в приграничную область и победившую нейверского пса его же оружием, Эли навер-

няка захотел убедиться, не хранишь ли ты на себе смертоносные амулеты. Первое правило его службы – убедись, что у подозреваемого не спрятан в рукаве нож. Ну, ты понимаешь...

– А я сама разделась и показала все, что прятала, – м-да, о таком способе досмотра я еще не слышала.

– Ему не пришлось обыскивать тебя.

А как назвать вольность рук? Местью за уязвленное самолюбие?

– Главный разведчик эльфов поведет меня к драконам во все не из-за желания защитить бедняжку, попавшую в беду?

– Нет. Эли должен выяснить, по какой причине драконы похитили твоего жениха. Не прячется ли за преступлением нечто большее? Мой внук стоит на страже интересов королевства Алой зари.

– Но зачем драконам соваться в приграничную область эльфов? Это же глупо! Не проще было бы открыть портал в их собственном королевстве?

– Ну, во-первых, у Бугра самая тонкая ткань перехода из мира в мир. В другом месте на открытие портала потребовались бы усилия нескольких магов. А во-вторых... Тебе не кажется, что драконам зачем-то понадобилось, чтобы их заметили?

Я, обдумывая слова бабушки, постучала пальцем по губам. Ясное дело, драконы осуществляли какой-то план. Но как в их задумку вписываюсь я?

– А я? Зачем им я? – что на уме, то и на языке.

– Не беспокойся, деточка. Эливентор обязательно выяснит. Пока трудно сказать, попала ты к нам случайно, проскочив в захлопывающийся портал, или являешься звеном замысла, но рано или поздно все откроется.

– Думаю, я в вашем мире оказалась случайно. Похитители пытались скрыть от меня путь к Бугру – гнали как сумасшедшие, а потом сломали ветвь, чтобы спрятать на просеке следы протектора. Я едва обнаружила их. Если бы драконы хотели, чтобы я увязалась за ними, позволили бы висеть у них на хвосте.

Как-то иносказательно получилось. Я висела на хвосте у драконов.

– Я не буду спрашивать, что такое протектор. Вечно из вашего мира лезут какие-то слова, – королеве-матери надоело держать подсвечник, и она потянулась, чтобы поставить его на тумбу. – Я лучше поинтересуюсь, почему ты кричала? И не лги, что видела страшный сон. Врунишка из тебя никакая.

Хотелось возразить, что я профи, вся в баб Ньюру, но вовремя прикусила губу.

– Ну, я жду.

– Я видела привидение.

– Ну слава богам, – старушка неожиданно радостно всплеснула руками. – Она показалась.

– Кто она?

– Кто–кто, моя сноха. Приемная мать Эливентора. Думаешь, я зря заселила тебя именно в ее покои? Так и знала, что ты избранная.

– Боже, – теперь пришел мой черед всплеснуть руками, – ну почему вы опять взялись за прежнее? Только смущаете меня и своего внука. С чего вы взяли, что я та самая?

– Просто поверь. Я хоть и слаба телом, но в ясном разуме мне не отказать. Поэтому не кричи, если мать Эли опять тебе покажется. Мы так долго ее ждали.

– Она опять появится?! – я скомкала на груди ночную сорочку. – А вы не могли бы остаться со мной? Как–то не привыкла я к общению с призраками.

К чему скрывать, что мне страшно?

– Она и при жизни была доброй девочкой, с чего бы ей после смерти измениться? Просто выслушай и запомни все, что она тебе скажет. Это важно. Она обещала мне. Из загробного мира видно все то, что здесь скрывается за семью печатями.

Королева–мать хлопнула в ладоши, двери снова распахнулись.

– Не забудь утром зайти ко мне с докладом, – старуха величественно качнула головой слуге и отбыла, не забыв прихватить подсвечник.

Я забралась на кровать. Одно дело обещать пообщаться с призраком, другое – в темноте остаться наедине с потусторонним существом. У меня все в животе замерло.

Когда в дверь поскреблись, я от страха подпрыгнула.

– Это я, миффи Шило. Не бойся.

Муф Эливентор выглядел вполне прилично: рубашка, правда, не застегнутая у шеи на последние пуговицы, и легкие штаны. Ступни босые по вполне понятной причине – попробуй прокрасться на цыпочках и никого не разбудить в сапогах по колено.

У двери произошла небольшая заминка – муф оттолкнул Дайко, попытавшегося проникнуть следом.

– Фу, пес! Стеречь!

И напрямик запрыгнул в мою постель. Я от удивления открыла рот. А наглый муф приложил палец к моим губам.

– Тише. Если ты видела мою мать, то на самом деле избранная.

– Боже, и вы туда же!

– Я не говорю, что обязательно женюсь на тебе, но ты первая, кому она показалась.

– И многие девушки побывали в этой постели? – они что, устраивают здесь тестирование? Тащат сюда всякий сброд и ждут, появится привидение или нет? Надеюсь, простыни меняются часто.

– Я уже называл цифру, помнишь?

– Сорок? И к каждой из них вы прыгали в постель?

– Нет, к тебе первой.

– Есть чем гордиться.

Муф, прислушавшись к шуму дождя за окном, еще раз

показал жестом «Заткнись» и нырнул под покрывало.

Закричать бы, потребовать, чтобы убирался, но как остаться наедине с призраком? Пусть лежит. Еще отведу душу, наорусь. Понятно же, что не за ласками прибежал, а хочет самолично убедиться, что здесь будет происходить.

Я тоже успокоилась. Не один в поле воин. Поэтому пристроила голову на подушку и сложила ручки на груди. Жду.

***

Снилась мне наша коммуналка. Зеркала завешаны простынями, я безутешно рыдаю на плече нашего участкового. Он успокаивает как может.

– Куда меня теперь? – хлюпаю носом. – В детский дом? Но я же уже большая, мне пятнадцать. Могу сама о себе позаботиться.

– А на что жить станешь?

– Пенсию по потере кормильца дадут. Дадут же? – я не знала. Слышала, как соседки у гроба с телом баб Нюры судачили.

– Не протянешь. Да и не положено одной оставаться. Без пригляду, – он крутит в руках фуражку. На редких волосах след от нее, как от обруча. Потом вдруг лезет в карман и вытаскивает потрепанную визитку. Края замяты, в пятнах. Видать, давно с собой носит. – На, позвони. Обещали для девочек–сирот интернат с полным обеспечением. Уход. Школа опять–таки. Но туда не всех берут. Малышеву Катерину твоих же лет не взяли. А ты, может, подойдешь.

– Когда звонить? – от слез не вижу ни номера телефона, ни фамилии.

– Прямо сейчас и звони. Иначе не успеешь. Через час служба опеки за тобой придет. Дай–ка я тебя сфотографирую, чтобы знали, о ком идет речь.

Я сдергиваю с головы черную косынку, ею же вытираю лицо. В какой интернат возьмут с такой опухшей рожей? Глаза красные, губы трясутся.

– Безнадежно все, – произношу я, стискивая телефон участкового в руках. Мажу мимо нужных цифр. Он, заметив, как дрожат мои пальцы, возвращает мобильник себе.

– Ай, дай я сам.

***

Дальше уже не сон, а воспоминания, что приходят ко мне без спроса. Глаза закрыты, а мозг крутит–крутит...

Через сорок минут за мной приехали. С врачами и чемоданчиком для забора крови. Те осмотрели меня, назвав процедуру обязательной диспансеризацией, взяли из пальца и вены кровь и ушли.

В отличие от врачей, тетка, что приехала за мной, не торопилась. Задавала вопросы и записывала ответы в анкету так, будто специально тянула время. Как я позже догадалась, она ждала звонка, и как только он раздался, все завертелось гораздо быстрее.

– Нет, никаких личных вещей, – представительница школы остановила меня, заставив захлопнуть дверцу шифонье-

ра. — Вам все выдадут.

Ну и хорошо. Вещей особо и не было: джинсы с майкой, куртка на вырост, школьная форма.

Мои документы уложили в прозрачную пластиковую папку, на которой крупно написали «Валерия Вострикова, 15 лет».

— Можно я хотя бы бабушкину чашку с собой возьму? С подсолнухами?

Сама же и разбила ее, неловко засовывая в сумку. Звон осколков вызвал новый водопад слез.

Участковый, подгоняя, больно пихнул меня в бок. Потом еще раз, еще.

— Да проснись же...

***

Я открыла глаза. Чужая ладонь, выпростанная из-под покрывала, зажимала мне рот. Я оттолкнула ее и села. Прямо передо мной в воздухе висел призрак. Туманный, бесцветный, размытый. Но платье в пол и высокая прическа выдавали в нем женщину.

Она протянула руку и провела по моей щеке. На коже остался влажный след, будто призрак на самом деле состоял из тумана.

— Красивая... — произнес тихий голос. — Приветствую тебя, гостя из чужого мира. Я тебя ждала...

Я, наконец, осмелела. Еще бы! Муф Эливентор из под покрывала без усталости тыкал в меня пальцем, заставляя дей-

СТВОВАТЬ.

– Вы что–то хотели передать вашему сыну?

– Сыну? – женщина, чьи черты проявились лучше, словно она усилием воли собрала себя в кучу, слабо улыбнулась. – Нет, не сыну. Тебе. Отведи Эли в Демонову падь.

Я не хотела ни в какую Демонову падь. Мне и снаружи забот хватало.

– Не отказывай и будешь вознаграждена, – призрак терял терпение.

– Хорошо, – кивнула я, боясь перечить призракной женщине. – Сначала выручу из беды своего жениха, а потом уже возьмусь за муфа Эливентора.

– Нет. Время уходит. Надо спешить, – и заколыхалась, будто ее ветер сдувал. Опять все черты поплыли.

Нет, ну что за лю... призраки! Сказала же, на обратном пути!

– Передай Эли, что я люблю его, – произнесла матушка Эливентора, прежде чем окончательно раствориться. Оставила–таки за собой последнее слово.

Я в бессилии упала на подушку.

– И что это было? – спросила я у выбравшегося из–под покрывала муфа.

Он молчал, уставившись в потолок.

Переживает. Еще бы, я бы тоже переживала, если бы увидела призрак своей бабушки. Интересно, что она мне сказала бы? Как пить дать, просто отвесила бы подзатыльник за

разбитую чашку с подсолнухами.

Глава 10. Нормальные герои всегда идут в обход

Я все ждала и ждала, когда муф заговорит. Даже прикидывала в уме, уместно ли будет, если я, утешая, поглажу его по плечу. И как бы половчее отказаться от похода в страшное место, куда идти совсем не хочется? Я даже была согласна, чтобы мы разделились: я с собакой Дайко пойду в одну сторону, а муф Эливентор со своим конем в противоположную.

Только приготовилась убеждать, что у меня самая что ни на есть ответственная миссия, из-за которой я, собственно, и пришла в чужой мир, а потому искать проблемы на стороне мне не следует, как слышала невообразимое:

– Да, ты права. Сначала дело государственной важности, а потом личное.

Я прям опешила! Его матушка специально пробралась в покинутый мир, чтобы донести до сына важные слова, а он отказывается! Пренебрег собой ради разгадки поведения каких-то драконов! Может, они с моим женихом устроили мальчишник, а Эливентор рискует никогда не узнать тайну своего рождения. Не зря же призрак посылает нас именно туда, где когда-то нашли ребенка.

– Но, муф, вы упустите время! – я так разнервничалась, что аж поднялась. – Ваша матушка ясно дала понять, что

надо спешить!

И с тем же рвением, что прежде готовилась отказаться от похода в Демонову падь, принялась убеждать, что туда непременно следует сходить.

– Вот скажите, если я пойду по следу драконов, как и намеревалась, сколько мне понадобится времени?

– Недели две, а то и три, если на море разыграется шторм.

– На море? Я поплыву на корабле?

– Отсюда к драконам можно попасть только через море. Сухопутный путь заведет нас к нейверам, а пески гораздо страшнее воды.

– А если мы отправимся через Демонову падь?

– На самом деле это самый короткий путь. Подземные ходы выведут нас к драконам где-то дней через пять-шесть.

– Вот видите! Если мы завтра же двинемся в сторону Демоновой пади, я попаду к Феде гораздо быстрее! Вы не можете игнорировать последний завет своей матушки!

Произнесла и осознала, что только что вручила себя и пса Дайко в руки Эливентора.

Боже, неужели он меня переиграл? Ведь начини муф уговаривать сходить в подземелье, я уперла бы руки в бока и с пеной у рта доказывала, что мое дело важнее! Я и не подумала бы высчитывать время пути!

Мы оба лежали молча, обмозговывая, во что только что вляпались. Не заметили, как уснули.

Утром Дайко смерил меня презрительным взглядом.

– А уверяла, что не шлюха.

– Когда? – я в удивлении задрала брови, выпуская из комнаты полураздетого муфа Элиментора.

Нейверу только и осталось что сплунуть.

***

Прощались мы с обитателями особняка так, будто уходили на войну.

Сразу после завтрака слуги упаковали дорожные сумки, в которые уложили вещи, что на взгляд муфа Элиментора пригодятся в трудном походе. Бизи и Гонза споро подобрали для меня дорожную одежду и обувь, удивив тем, что в комплект входили штаны из тончайшей кожи, высокие сапоги и добротный шерстяной плащ.

– А вы разве не знали, что вам придется сидеть в седле?

Я не знала. Как-то вообще не задумывалась, каким способом попаду в Демонову падь: за спиной муфа Элиментора или в телеге. Новость, что предстоит гарцевать на коне, обрадовала мало. Да, в школе нас обучали держаться в седле, но занятия можно было назвать ознакомительными – предполагалось, что мы освоим конное дело в следующем полугодии. А пока основной упор делался на тренировки с Сим Симычем.

Королева-мать, получив отчет о встрече с привидением, где мы оба – я и ее внук умолчали, что провели ночь вместе, не осталась в стороне. Она развила настолько кипучую деятельность, что казалось, сбросила пару десятков лет. Нет,

бегать на своих двоих миффи Дельфия не начала, но ее коляска появлялась то тут, то там, а у «водителя» пот капал даже с кончика носа. Она руководила процессом с ловкостью дирижера – одним взмахом руки отправляла слуг то за провизией, то за лекарскими принадлежностями, а то вдруг вспоминала, что где-то там в сундуках хранятся амулеты, которые нам непременно пригодятся. Она же распорядилась, чтобы ее внук лично сходил в конюшни и выбрал для дорожной гостии (видно, заметила мой страх) лошадь поспокойнее, а осла для багажа покрепче. Предполагалось, что Дайко собственный транспорт не понадобится. Так и будет бежать у ноги, как верный пес.

– Не переживай, пустынники привыкли. На то они и псы.

– Я думала, муф Эливентор называл Дайко верным псом иносказательно, – да, я переживала, что мы умотаем нейвера, и он сдохнет до того, как отряд доберется до Демоновой пади. А ведь может пригодиться.

– Нейверы оборотни. Рядовые, как Дайко – псы, а хозяева оазисов из семейства пустынных львов или волков.

Я была поражена.

– А почему же он ни разу не обернулся? Так и бежал человеком, хотя я видела, как ему тяжело.

– Значит, не доверяет. Они оборачиваются только в кругу близких или во время боя.

Как-то стыдно мне теперь будет обзывать его псом.

Когда мы остались с королевой—матерью наедине, она сняла со среднего пальца то самое кольцо, которым открыла комнату матери Эливентора, и протянула мне.

— Береги его.

— Ой, что вы... — я попятилась, будто увидела на ее ладони не массивное кольцо, а скорпиона. — Я не возьму. Вы же знаете, у меня уже есть жених. Пусть лучше перстенок достанется той, с кем Эливентор будет счастлив. Дарлине например.

— Глупая. Не насовсем отдаю, а на время. Когда завершите поход, вернешь кольцо моему внуку. А пока распишись в получении семейной реликвии, — она указала на толстую книгу, что лежала на изящном бюро — я такие только в музее видела.

— Нет, сначала объясните, зачем мне кольцо. Я сейчас распишусь, а потом выяснится, что я замужем за вашим внуком.

Знаю я приемчики ушлых свах. Так охомутали нашего соседа Кольку. Напоили и сыграли по быстрому свадебку. А утром, когда глаза продрал, ему показали документ, где он самолично расписался, что обязуется жениться на той, что ночью попортил. Противовесом шло заявление об изнасиловании. Так семейство Хабибулиных расширило свои владения еще на одну комнатку.

Старуха, услышав несусветную дерзость, фыркнула. Но меня, если уж я принялась допытываться до истины, не оставишь.

— Или вдруг кольцо убивает? Нажмешь на какую—нибудь

пупочку, и нет человека. Так я вам сразу скажу, я пацифистка.

– Опять эти забугорные словечки, – миффи вздохнула и вновь надела кольцо на палец. Передумала отдавать, что ли?

– Это Ключ от комнаты матери ЭлиVENTора.

Я скривила лицо. Ну зачем мне в походе за тридевять земель ключ от особняка?

– Эх, молодость. Сразу торопитесь вынести суждение, – опыт позволил миффи Дельфии читать меня как раскрытую книгу. – Смотри сюда, повторять не буду.

Она повернула кольцо камнем в другую сторону, и на расстоянии вытянутой руки забрезжил золотой свет. Пятно быстро росло, и вскоре я разглядела в образовавшейся брешу комнату, в которой сегодня ночевала.

– Портал?! Я смогу перемещаться туда, как только захочу? – я не верила своему счастью. Мне не придется кутаться в походное одеяло, буду спать на мягкой постели. А захочу, пройду на кухню, где всегда покормят и обогреют.

– Нет, милая. Это совсем маленький портал. Можно даже сказать, брешь. В нее ты сможешь сунуть руку по локоть и взять то, до чего дотянешься. Только не урони. Схватишь больше, чем сможешь удержать, портал захлопнется, и сколько бы ты не вертела кольцо, уже не откроется.

– А для чего такие предосторожности?

– Охранная магия. От воров, например. Или от тех, кто нечаянно завладеет кольцом и захочет выгрести из комнаты

все приглянувшееся. В жизни всякое случается, и маг позаботился, чтобы соблюдались определенные условия.

– Выходит, у меня с собой будет что-то типа чемодана? – мои глаза загорелись. Бабушка еще не знает, сколько всего я могу уцепить одной рукой. Помнится, в первом классе я сунула руку в жестяную коробку, когда мне милостиво разрешили «угоститься» заморскими сладостями, так потом девочки выковыривала из моего кулака конфеты по одной. Я умудрилась ухватить разом полкоробки.

– Что-то типа, – миффи поморщилась. Ей явно не нравился мой лексикон. Надо все-таки выбирать слова.

– А если я не дотянусь? – мерцающее пятно позволяло разглядеть, что кровать с теплым покрывалом находится слишком далеко.

– Повертишь кольцо туда сюда, – королева-мать продемонстрировала, и кровать внезапно оказалась совсем рядом.

– Как ручка настройки! – восхитилась я и потянула за край покрывала.

– Запомни еще одно правило: взятая из комнаты вещь туда уже никогда не вернется. Придется ее либо бросить, либо тащить с собой.

Я тут же отдернула руку. Ну вот, подарят счастье, а потом начинают ограничивать. Теперь я сто раз подумаю, так ли мне нужна вещь, которую с собой тащить тяжело, а бросить жалко.

– А вы случайно не сможете пополнять запасы? Ну там

подкладывать то, что уже взяли?

– Нет, милая. Магия так не работает. Во–первых, копии ключа нет, а этот ты унесешь с собой. А во–вторых, мы в любом случае не смогли бы «подкладывать», поскольку амулет настроен только на те вещи, что находились в комнате при его создании.

– То есть, если я стащу туда половину погребца, дотянуться до окорока все равно не получится?

– Совершенно верно. Поэтому мой тебе совет, действуй разумно, – и указала на книгу, в которой я должна расписаться.

– А почему вы отдаете Ключ мне, а не вашему внуку?

– Магия рассчитана на женскую руку.

Я нацепила кольцо на палец и обмакнула перо в чернильницу.

– А что писать?

– Титул и имя.

– Угу. Миффи Ши–ло–о–о.

***

Взбиралась на лошадь я со скамеечкой. Некому было выдернуть меня из толпы советующих, как правильно сунуть ногу в стремя и водрузить себя на седло. Дайко и муф Эливентор откровенно потешались.

Ничего–ничего, мои попутчики еще не знают о Ключе, который открывает портал. Уж я наслажусь, когда они будут клацать зубами от холода, а я вытащу для себя перину. Спе-

циально сбегала посмотреть, чем можно будет поживиться в походе.

Честно говоря, после объяснений магических свойств Ключа, я заподозрила, что колечко Федора тоже из артефактов. Даже потихоньку от всех достала его из лифчика и повертела на пальце. Нет, простое. Не в смысле оловянное, а не волшебное. Сделанное из белого золота с вкраплениями мелких бриллиантов, оно сияло чистотой и невинностью. Правда—правда, я именно так его чувствовала.

Поцеловав кольцо, снова спрятала за кружевом. Лифчик и трусики еще с вечера постирала и высушила в своей комнате. Не хотелось показывать их ни служанкам, ни кому—либо еще. Мне в своем белье удобнее, пусть оно тонкое и прозрачное и помещается в кулаке, но все равно лучше, чем их неприличные панталоны с разрезом в том самом месте «для быстрого удовлетворения дамских нужд». Хорошо, что не мужских. Наши в коммуналке оценили бы.

Тронулись разом. Впереди ехал муф Эливентор, за ним я, радуясь, что ровный шаг лошади позволяет держаться в седле как заправскому всаднику, и замыкал отряд груженный сумками ослик Жак с бегущим рядом Дайко. Обратила внимание, что муф, кроме меча джедая, навесил на себя и другое колюще—режущее оружие, будто собрался на войну, а не исследовать пустующие пещеры.

— Пс, — позвала я Дайко. Пес, подбежав, задрал голову. — Для чего он взял с собой целый арсенал? Разве демонов не

изгнали? Только не ври, что ты не заводил в Демонову падь людей и не бросал их там. Зуб даю, ты не сунулся бы в пещеры, если бы в них обитал хоть один демон.

– Мало ли что может пригодиться в подземелье, – за Дайко ответил ЭлиVENTор. Он немного придержал коня, чтобы ехать с нами вровень. – Случится обвал, чем копать будешь?

– Что-то я не вижу саперной лопатки, – я не удержалась от ехидства. На себя бы посмотрел.

Муф вздохнул и вытащил из ножен небольшой клинок. Провел по острой поверхности пальцем, совсем чуть-чуть пустив себе кровь. Лезвие, почуяв ее, вдруг развернулось, сделавшись похожим на кобру, распустившую капюшон. ЭлиVENTор дунул на гибкую сталь, и та тут же затвердела, превратившись во вполне себе сносную копалку.

– У моей бабушки точно такая же шумовка была, она ею орудовала, когда готовила плов, – я не сдавалась. На все их чудеса у меня имеются свои.

– Расскажи о своей бабушке. Она была единственной твоей родственницей? – муф ЭлиVENTор смотрел прямо перед собой. Никакой заинтересованности в голосе. Разговор о баб Нюре для него развлечение. Это все равно что травить байки в поезде. Скуку разгоняют и время убивают. Только тема для меня совсем не веселая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.